

КОНСПЕКТ КНИГИ

Лужков Ю.М. Капитализм и Россия. Выпадение из будущего? - М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009- - 136 с.

\005\

Содержание

Спаси нельзя изменить	007
Капитализм: История мутации	011
Марксово пророчество и эволюция капитализма	013
Глобализация транскapитализма и посткризисное мироустройство	021
Неразрешимое противоречие и посткапитализм	032
Россия: особенности и вызовы кризиса	045
Банкротство монетаризма и олигархии	047
Перезапуск экономики и его моторы	057
Не проспять посткризисный мир	070
Россия, действуй!	081
Бережливая Россия	083
Умное развитие	101
101 Эффективное государство	112
Победители будущего	131

...Невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы.

Альберт Эйнштейн

\007\

Спасти нельзя изменить

\008\

Прошел год, как волна кризиса накрыла мировую экономику, но текущие симптомы некой стабилизации не должны вводить в заблуждение.

Этот кризис сравнивают с Великой депрессией в США 1929-1933 годов. Раз так, то не нужно забывать, что момент её начала и Вторую мировую войну отделяло всего десятилетие. И что

война была и остаётся чудовищно эффективным способом обнуления проблем.

Это не повод паниковать. Однако о кризисе необходимо говорить не на поверхностном уровне «индикаторов» и макроэкономической текучки, но на уровне фундаментальных вопросов.

Связанные с глобальным кризисом вызовы превосходят сферу экономики. Речь ведь идёт не о проблемах с деньгами, а о кризисе цивилизационных ценностей. И на то есть серьезные причины, касающиеся фундаментальных противоречий капитализма.

\009\

Сможет ли вообще капитализм пережить этот кризис? Наступил ли конец экономике финансовых спекуляций и обществу безудержного потребления? Куда из этого кризиса должен выйти мир? Может ли Россия сформировать стратегию выхода из кризиса? Как и за счет чего это возможно?

Это самые важные вопросы. Ответы на них не очевидны. Ясно, что главное направление выхода мира из кризиса в очередной раз зависит от института Государства.

Еще недавно популярны были наукообразные построения о выкидывании на свалку истории государственного суверенитета в эпоху глобализации. Нынешний кризис снимает все сомнения о роли государства.

Кризис возвращает государству ценность ключевого субъекта развития, вновь делает главным вопрос о соотношении свободного рынка и государственного регулирования. Государствам предстоит сделать решающий выбор.

\010\

Он не в том, чтобы просто разрушить капитализм или спасти его. Он в том, чтобы создать модель нового типа, вернуть мировую экономику к реальности, а человеческой цивилизации дать новые ценности и ориентиры развития. От этого зависит будущее мира и перспективы модернизации России.

\011 - 012\

Капитализм: история мутации

В 2008 году развернулся и продолжает развиваться системный кризис капитализма. Мы живём при «транскапитализме». Он основан на виртуальной экономике финансовых пузырей и их воспроизводстве в интересах глобальной финансовой олигархии.

«Модель глобализации» на протяжении десятилетий характеризовала «высшую стадию» развития американоцентричной системы финансового капитализма. Отдельные государства обеспечивали себе извлечение сверхприбылей из всемирной финансовой пирамиды биржевых спекуляций.

\013\

Это перерождение капитализма привело к новому, невиданному типу его кризиса. Мир захлебнулся в неконтролируемом потоке **квазиденег, существующих только на экранах компьютеров и не обеспеченных товарами реальной экономики.**

Результаты кризиса - это только начало оплаты счетов транскапитализма. Начало выхода мировой экономики из рецессии вовсе не будет означать завершение кризиса глобализации. Возникает много вопросов. Главный среди них: кто будет оплачивать счета заигравшихся транснациональных корпораций?

Марксово пророчество и эволюция капитализма

Мир вспомнил-таки Маркса. Новые издания «Капитала» расходятся удивительными тиражами. Маркс был свидетелем и обличителем не идеалистического веберовского «прекрасного младенца» капитализма, но современного ему, вполне реального, довольно вредного и циничного взрослого с задатками рецидивиста.

\014\

И Маркс безусловно, прав в том, что в капитализме заложен периодически просыпающийся ген аморальности, подталкивающий систему к краху, поскольку за 100% прибыли капитал готов нарушить

любые законы, а при 300% «нет такого преступления, на которое он бы не рискнул».

Марксово пророчество о неизбежности краха капитализма пока не сбылось. Способность капитализма развиваться оказалась высока. Однако спасительная для него метаморфоза пришла не изнутри него, а извне - от государственного вмешательства.

Она была социалистической прививкой.

Капиталистическое государство, как «комитет, управляющий делами класса буржуазии», постепенно осознало свои социальные функции. Функции создания и поддержания социального мира и устойчивости общества. Функции экономического регулирования.

Этот процесс возник не на пустом месте. Ведущие индустриальные страны пережили Первую мировую войну, увидели Красный Октябрь 1917 года, прошли через Великую депрессию 1929-1933 годов, испытали все ужасы Второй мировой.

\015\

Опыт «социальных катастроф» шаг за шагом вёл к осознанию необходимости социально-экономических преобразований. Эволюция капитализма позволила поставить его на службу большинству населения. Это - создание массового потребителя.

Советский же социализм оказался в итоге куда ближе к пророчествам Маркса, которые гласили, что «причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс».

Вехами на пути «поумнения капитализма» были «Общая теория занятости, процента и денег» Джона Мейнарда Кейнса и возникновение государственного экономического регулирования.

\016\

Вехами на этом пути были также «новый курс» Франклина Рузвельта в США, столетняя история «шведского социализма», опыт политики «благополучия для всех» Людвига Эрхарда в послевоенной Германии.

Создание «общества потребления» стало восприниматься как главный механизм, который двигает развитие вперед, решает задачу занятости, ускоряет новые исследования для производства новых товаров и техники и решает многие другие задачи.

Однако правы критики капитализма, которые утверждают, что преодоление внутренних противоречий, эффективность моделей общества потребления были возможны лишь благодаря внешней экспансии империализма и глобализации.

Капитализм всё равно переживал циклические кризисы. Суть этих кризисов связана с перепроизводством, нехваткой денег у населения и нежеланием капиталистов терять прибыли, то есть снижать цены.

\017\

И капитализм стал всё больше уходить от внешних признаков кризиса у себя дома, во имя прибылей перенося производства в слаборазвитые страны. В XIX и в первой половине XX века это было возможно благодаря классическому колониализму.

После Второй мировой войны оказалось очевидным, что всемирные экспансии, контроль над рынками и приватизация мировых ресурсов всё равно необходимы. Иначе капитализму не выжить.

Но теперь это должно происходить в иных формах. Капитализм мог бы и дальше выводить «классовые разногласия» западных обществ вовне (на отношения с «остальным миром»), приватизировать его ресурсы и труд в интересах «золотого миллиарда».

Но чтобы сохранять топливо для новых прибылей и одновременно мир внутри «золотого миллиарда», экономики Запада во всё большей мере вынуждены были становиться экономиками расширения внутреннего спроса, производить новые искусственные потребности и зависимость населения от кредита, заставляя человека хотеть нового и одновременно разрывать связь между реально заработанным и полученным.

\018\

Труд для людей «общества потребления» превращался из источника жизни в «камуфляж» возможности потреблять и наслаждаться. Обеспечение граждан работой стало фетишем создания новых квазиэкономических трудовых ниш.

Экономики Запада перестали опираться на реальный сектор и промышленность, перестали быть производящими, а превращались в постпроизводственные, деиндустриализированные (в США доля промышленности в ВВП составляет всего 11%), посреднические экономики услуг и, прежде всего, услуг финансовых.

На смену рабочему классу в этих странах пришли банковские работники, биржевые маклеры, то есть те, кто оперирует в финансовой сфере. «Производство» денег стало главным. Экономика и социально-политическая устойчивость капитализма попали в полную зависимость от финансового капитала.

Все эти факторы вместе и огромная доля США в мировой экономике после Второй мировой войны плюс положение доллара как мировой резервной валюты с монополией на его эмиссию предопределили гегемонию Соединенных Штатов и возникновение

капитализма финансовых спекуляций. Искушение воспользоваться выгодами раскрутки финансового капитализма для целей мирового господства Штаты преодолеть не смогли. США настроились играть в деньги.

\019\

Произошло преобразование капитализма. «Вчера» работала формула капитализма

«деньги - товар – деньги»,

и чтобы получить большую прибыль капиталист, и действовал, совершенствуя товарное производство. Эта формула справедлива и сегодня.

Социалистический Китай собирает доход со всего мира через товарное производство и успешно конкурирует с другими странами. А вот США стали жить по формуле:

«деньги - ценные бумаги - деньги».

Америка перестала делать товары и перешла на производство денег.

Точкой отсчета для экспансии финансистов явилась ревизия Бреттон-Вудской системы валютных курсов и золотого стандарта доллара – «золотой паритет». А идеологической базой стали экономические теории монетаризма.

Монетаризм и рейганомика подготовили начало наступления финансового капитализма в 1990-х годах. Для этого заранее было реформировано существовавшее со времён борьбы Рузвельта с Великой депрессией банковское законодательство.

\020\

Была достроена практически неконтролируемая система многоэтажных дериватов, - производных и сугубо виртуальных финансовых технологий и инструментов. В прошлом году объем этой экономики деривативов оценивался более чем в 1,2 квадриллиона долларов, что **в десятки раз превышает экономику всего мира.**

Существовало два параллельных мира: в первом были государства, границы, законы, производство, обязательства. Во втором - ничего этого не было, а существовали забалансовые операции, алхимия извлечения золота из воздуха и правила свободной игры капиталов, которая больше похожа на «игру без правил».

Но эта система пользования мирового производства одной страной, которая только выпускает деньги и дурачит всех, опираясь на свой прошлый авторитет, неизбежно должна была провалиться и привести к доселе невиданному типу кризиса.

\021\

Экономика финансовых спекуляций исказила представления о ценах, товаре, труде, обмене, долге. В ней не осталось других ценностей, кроме ценности виртуальных денег. В ней даже спекулировали уже не на товаре, а на воздушных курсах надутых фирм.

«Невидимая рука рынка», опирающаяся в исходном представлении на моральный дух капитализма и христианскую свободу выбора, превратилась в неведомую ловкость рук под столом глобальной экономики и политики.

Глобализация транскапитализма и посткризисное мироустройство

В самой мутации капитализма в транскапитализм геополитические устремления США и Запада до сих пор имеют огромное значение.

За понятием «Запад» скрывается глобальная коалиция мирового лидерства наиболее развитых капиталистических стран современного мира. Удел Западной Европы - послушность. Сомнения всегда заканчиваются соглашательством с США.

\022\

Вспомним Венгрию 1956 года, Чехословакию 1968 года, а, с другой стороны, Югославию в 1990-х - и не увидим разницы между гегемонией СССР и гегемонией США.

После Второй мировой войны Запад вёл «холодную войну» против СССР, чтобы снять ограничения на возможности экспансии капитализма. «Холодная война» была стратегией изматывания СССР в «гонке вооружений».

Сама же гонка всегда служила для США возможностью разворачивать и ценовые войны на товарно-сырьевых рынках, прежде всего на рынке нефти. В результате финансовый капитализм сыграл большую роль в распаде СССР.

А модель спекулятизма принципиально зависела от способности произвести разрушение, а затем - поглощение ресурсов стран социализма, «постсоветского мира».

\023\

За счет исчезновения блокового противостояния можно было нарастить возможности по перевариванию ресурсов и других частей мира, включая нефтеносный Ближний Восток и промышленный рост Юго-Восточной Азии. Только так можно было обеспечить связь с реальностью и оплату счетов финансовой пирамиды империализма.

Доктрина «конца истории», провозглашенная Фукуямой в момент распада СССР, не только утверждала идеологическую победу Запада, но и подразумевала необходимость рано или поздно обеспечить «конец любой экономики и ресурсов», неподконтрольных Западу. Такова глобальная миссия спекулятизма. Часть этой программы выполнена в том, что касается поглощения Восточной Европы и Прибалтики, расчленения Югославии или оккупации Ирака. Запад достиг в этом определенных успехов, причем долю получили не только США, но и Евросоюз.

Хотя Евросоюзу ещё долго придётся иметь головную боль и разбираться с «интеграцией» восточноевропейских стран по сценарию превращения их в пятую колонну США внутри европейского сообщества.

\024\

Восточные европейцы сегодня лучше всех чувствуют влияние кризиса и последствия того, как их «отынтегрировали». Некоторые из «новых европейцев» оказались на пороге несостоятельности, проявляя себя как «несостоявшиеся государства». Главное всё же в том, что Запад так и не достиг главных целей – не получилось поглотить или поставить под плотный контроль ресурсы России и Китая.

Именно во втягивании в себя этих двух «миров» Запад был жизненно заинтересован. Значительная часть фиктивных финансов была «выпущена» именно под поглощение России и Китая. Спекулятизм мог бы выжить, только если бы достиг этой двуединой цели.

В отношении России больше подходила стратегия принудительной интеграции в Запад. И в 1990-х годах Запад имел основания рассчитывать на это из-за слабости Российского государства, а также из-за активного формирования в России когорты олигархов и монетаристов, которые только и хотели, что сдаться с выгодой для себя глобальному капитализму.

\025\

Для Китая более подходила не стратегия поглощения, но «удушения в объятиях». На что опять же были бы не самые маленькие шансы, если бы Западу удалось сперва поставить под контроль Россию, а потом, опираясь на её ресурсы и потенциал, иметь возможность навязывать и диктовать свою волю Китаю.

Однако такие планы «главного командования» оказались несостоятельными. И произошло это из-за того, что Россия пришла в себя, преодолела период потрясений и национальной слабости, вновь обретает силу после распада Советского Союза.

Дефолт транскапитализма стал неизбежным. Система продержалась немного, пока не начала обваливаться в прошлом году. Вместе с дефолтом наступил и финал политической однополярности мира.

Претензии Соединенных Штатов на мировое единоначалие и попытки экспансии буквально по всем направлениям имели очевидные причины, связанные со стремлением избежать банкротства и спасти финансовую олигархию через лидерство в «обдирании» мира.

\026\

Рано говорить о том, что транскапитализм признал своё поражение. Империалистические цели транскапитализма продолжают оставаться в центре внимания США. Однако ситуация изменилась. Сегодня мы имеем дело с несомненным усилением роли государств в экономике.

Неслучайно, например, небезызвестный Збигнев Бжезинский заговорил о том, что вместо «большой восьмерки» (G8) Китаю и США необходимо создать «большую двойку» (G2). И потом, «на пару», решать мировые проблемы. Идея «большой двойки» хорошо иллюстрирует то, в каком направлении капитализм, возможно, будет искать путь выхода из кризиса.

Кризис заставляет понять, что экономическое доминирование всё же должно опираться на реально производящую экономику. США вряд ли смогут быстро восстановить собственную индустрию, перенести обратно на свою территорию многие производства. И в целом постиндустриальное общество уже не переделаешь – «фарш невозможно провернуть назад». Начинается поиск опоры на реальную экономику через систему новых глобальных союзов.

\027\

Однако идея «большой двойки», - «мировая бухгалтерия» финансов в США, а «мировая фабрика» реальной экономики в Китае, - вряд ли понравится не только Евросоюзу, Японии, России, но и самому Китаю. Сегодня в Пекине сознают зависимость от экспортной модели развития. Доля внешней торговли в ВВП КНР превышает 66%, что делает его экономику крайне уязвимой, и прежде всего от состояния рынков США и Европы.

Китай вряд ли хотел бы допустить структурную зависимость от США. Для него выход из кризиса и переход на качественно новый уровень развития зависят теперь уже от поиска устойчивости во внутреннем развитии и от обеспечения возможностей получить доступ к природным ресурсам.

\028\

Изоляционизм и полная сосредоточенность только на самом себе грозили бы Китаю нарастанием социальных диспропорций по мере становления «китайского потребительского общества». Для Китая не вопрос - целесообразность глобализации. Она для него необходима.

Коалиция «за продолжение глобализации» выглядит куда более мощной. Другое дело, что сторонники глобализации не едины в том, какая именно «улучшенная и дополненная» её версия должна работать.

Для США главная задача сохранить себя в качестве центра - остаться единственной «глобальной бухгалтерией». Для других держав может казаться предпочтительным регионализированный мир. Другая версия предполагала бы модель многополярной глобализации мировой экономики под коллективным руководством без монополярной бухгалтерии.

\029\

Пока не вполне очевидно, в какую именно сторону, – «регионализованной блоковой глобализации» или «многополярного коллективного руководства единым развитием», - двинется мир. Реформа ООН и её Совета Безопасности является сегодня более чем актуальной задачей.

Необходимо возродить роль Организации и окончательно закрыть возможности «однополярных» стратегий в современном мире. Более эффективная и властная ООН может вернуться к идее реального контроля над мировой экономической и финансовой системами.

\030\

Это позволит преодолеть и кризисные явления в мировой торговле. Вступление России в ВТО не должно быть безоглядным и свестись просто к выполнению инструкций.

Наконец, вопрос об архитектуре глобальных финансов и формировании новой многополярной системы мировых резервных валют. Конкурирующими оказываются проекты «модернизации доллара» - создания нового «носителя» единой мировой валюты (закамуфлированный вариант сохранения прежней системы в интересах США) или же демократизации системы мировых резервных валют.

\031\

Большинство стран мира понимают, что без демократизации глобального управления и формирования справедливой системы

мировых финансов дальнейшее развитие невозможно. Однако Америка продолжает заливать кризис необеспеченными эмиссионными деньгами, превращая «пожар в потоп».

Глобальная финансовая олигархия всё ещё способны шантажировать мир «зомби-долларом» и стремятся навязать миру свою эгоистичную версию выхода из кризиса. Однако, это будет не выход из кризиса, а лишь новое издание транскапитализма с последующим неминуемым его обрушением и полномасштабным крахом доллара и всей мировой финансовой системы. Непременным условием оздоровления должно стать и преодоление мировой однополярности.

\032\

Неразрешимое противоречие и посткапитализм

Проблема «выхода назад» из кризиса не исчерпывается попытками сохранить в видоизменённом виде транскапитализм. Вопрос намного глубже.

Капитализм теперь предельно обнажил неразрешимое противоречие самого принципа существования капитала. Его кислородом всегда была максимизация прибыли, бесконечность накопления. Это достигалось через подталкивание экономического роста и стимулирование сверхпотребления.

Если происходит возгонка этих процессов, неизбежен максимум напряжения природных ресурсов, и капитал всегда стремится подавить ограничивающую роль государства для реализации такой максимизации прибыли. Но таким образом капитализм неизбежно доводит систему «до ручки», и тогда именно государство он призывает оказать «последний спасительный кредит».

\033\

С другой стороны издержки капитализма непрерывно дорожают. Граждане также требуют от государств всё больших гарантий образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения. Чтобы предоставить эти блага, государства вынуждены увеличивать налоги. И уровень налогов за последнюю сотню лет вырос многократно. Затраты на оплату труда, оплату ресурсов для капитала также возросли.

Увеличивается население Земли, требующее достойной оплаты труда, а беспредельная эксплуатация возможна во всё меньшем количестве стран. Человечество потребляет всё больше ресурсов, увеличивая их цены и ставя мир на грань экологического кризиса.

Возможность выживания мира всегда давали регулярные переходы экономики на новые технологические **уклады**, которые

снижают остроту ресурсных ограничителей. Однако даже это не снимает ключевой проблемы.

Потребление ресурсов обгоняет возможности их экономии, сбережения и восстановления из-за присущего капитализму безудержного стимулирования потребления. Стремясь заработать свои вожделенные «300% прибыли», капитал формирует и продает завышенные уже на 500% стандарты потребления. Но создание искусственных потребительских желаний не бесконечно.

\034\

Гонка сверхпотребления через построение кредитных пирамид позволяет потребление сегодня то, что в случае нормальной экономической логики могло быть только завтра произведено и только послезавтра заработано человеком. Такая система зависит не только от способности заставлять человека хотеть, но и от «продажи будущего сейчас», сегодняшнего проедания этого самого будущего, а это предполагает, что рост должен продолжаться нескончаемо.

Пирамида удовольствий игнорирует и то обстоятельство, что потребление остается крайне неравномерным и несправедливым. Если завтра все китайцы и индусы примут и попробуют реализовать стандарты потребления западного мира, то планету постигнет мгновенный ресурсный коллапс.

\035\

Сегодня капитализму практически некуда деваться - больше нет возможности жить как прежде. Капитализм выдыхается. Необходимые ему для воспроизводства и накопления капитала объемы прибыли не могут извлекаться в прежних объемах. А потому они должны извлекаться при помощи мошеннических схем, войн, обмана и злодеяний.

История создания «экономики» финансовых спекуляций - одна из последних попыток капитализма создать дополнительное пространство жизни. И эта попытка не могла не провалиться из-за пропасти, разделяющей финансовые пирамиды и экономику реального производства.

Неутешительна альтернатива нередкого олигархического сращивание власти и собственности, государства и капитала. Такое перерождение капитализма может происходить и в отдельных странах, и в мировой экономике в целом.

Монополизация рынков и создание неравных правил игры приводят к тому, что капиталисты наживаются свои капиталы за счет всех остальных предпринимателей, а в конечном счете - за счёт граждан.

\036\

Это означает, что любые сценарии выхода из глобального кризиса не могут быть сугубо экономическими и уж тем более финансовыми. Они будут опираться на политическую стратегию государств, новые принципы развития экономики и жизни «постпотребительских» обществ. Выход из кризиса на сегодня не найден, его просто не существует.

О таком выходе можно будет говорить только тогда, когда произойдет осмысление того, что хозяйственный уклад под названием «капитализм» прекратил своё существование.

Известный тезис Адама Смита о «невидимой руке рынка» провозглашал принцип рынка универсальным способом организации общества в целом. Вера в силу рыночного саморегулирования, способного из сосуществования эгоистических интересов создавать социальную гармонию всегда была утопией.

\037\

Во времена Адама Смита ещё можно было утверждать, что «мы ожидаем получить обед не из-за благожелательности мясника или пекаря, а благодаря тому, что они заботятся о собственных интересах». Впрочем, такой идиллической картины совершенной рыночной конкуренции не существовало даже тогда.

Сила личной выгоды ведёт к жестокой войне всех против всех, но никак не к вкусному обеду для каждого.

Что уж говорить о «невидимой руке» рыночного благолепия. Весь пафос либерализма и славословия живительной силы рынка - не более и не менее чем война транснациональных корпораций (ТНК) с государствами за право быть сильными, глобальными, почти суверенными, то есть подобными самим государствам.

Но в отличие от государства ТНК совсем не отягощены социальными задачами и ответственностью за справедливость и долгосрочное развитие стран, а также абсолютно неподконтрольны обществу, мнению граждан, требованиям демократии.

\038\

Государственное регулирование могло сдерживать тёмные устремления капитала, но не могло предотвратить мировых войн и превращения капитализма в империализм.

Попытка создать госкапитализм, поставив крупный капитал на службу государству и сохранив рыночную свободу лавочника, производит на свет корпоративное государство.

А оно способно жить только внешней экспансией и захватом ресурсов, порождая в своих крайних проявлениях тоталитарного монстра - фашизма.

{V: Ну, наконец-то и Лужков пришёл к выводу, что США – законченное фашистское государство!}

Проблемой же социализма всегда была полная монополизация государством любых вопросов развития, что уничтожало энергию экономики. Вместо борьбы с пороками капиталистической модели социализм предпочел уничтожать предпринимательский дух как таковой вместе с его позитивной энергией развития.

\039\

Итак, на смену военно-политическому пришел финансовый империализм глобального неравенства, несправедливости, проедания ресурсов планеты и её экологической устойчивости. Противостояние капитализма и социализма лишь подпитывало силы либерального мифа о всемогуществе рынка, тем более после крушения мировой социалистической системы.

Именно тогда - в 1980-1990-х годах - капитал вновь вырвался на свободу, но теперь в ужасной форме транскапитализма. И, наконец, нынешний кризис похоронил под своими обломками либеральный миф. Похоронил он и наивные попытки примирить природу эгоистичного капитала с задачами устойчивого развития человеческой цивилизации.

Сегодня новую модель развития экономики вряд ли можно охарактеризовать или даже назвать. Мы можем применить лишь общий термин - «посткапитализм», подобно тому, как после распада СССР утвердился термин «постсоветского развития». Здесь ясно, чему пришел конец, но понятно и то, что содержательные характеристики пришедшего на смену, будут формироваться ещё долго.

\040\

В обломках старого мира уже видны некоторые параметры этого посткапитализма, который будет, скорее ближе к формуле совместного частно-государственного накопления капитала. В этой модели само государство есть крупнейший социально ответственный капиталист.

Государство при глобализации приобретает всё более экономический «профиль», само превращается в корпорацию, конкурирующую с ТНК и являющуюся доверенным лицом граждан в

глобальной экономике. Но одновременно - в той мере, в какой новая эпоха является экономикой знаний, человеческого капитала, - в государственной политике возрастает значение всего, что формирует концепцию «**социального государства**».

{V: Возможно, что мы даже перестанем стесняться и объявим это «**государством сервильного типа**»?}

\041\

Социальная логика государства противоречит его экономизации и следованию монетаристской доктрине. Состоятельность государства в этой ситуации можно определить в конечном счете аналогично общей теории критериев устойчивости систем.

Отказ от исполнения части своих обязательств, исходя из политических, стратегических или иных причин, неизбежно отбрасывает государство на иной уровень устойчивости. Отказ или невозможность выполнения большей части своих функций превращает государственную систему в опасно-неустойчивый объект.

\042\

Система идет «вразнос», и мы видим социальные потрясения и распад государственной системы. В условиях кризиса государство сталкивается с серьезным изменением внешних условий, с новыми вызовами или новыми возможностями.

Это может провоцировать бросить все силы на что-то одно, - временно закрыть глаза на часть своих базовых функций, - и решить тяжелую текущую проблему (сконцентрировать все ресурсы на реализации выгодного в данный момент проекта).

Ситуативный отказ от базовых функций сразу же вызывает расширение зоны неустойчивости системы. Сиюминутная эффективность (в виде бездефицитности бюджета или превращение в суперцель лишь одного параметра, например, инфляции) осуществляется в ущерб задачам социального развития.

Это приводит государство к неустойчивости, иссякают источники ресурсов, система становится не способной реагировать на новые изменения.

Способность государства быть государством, то есть поддерживать баланс и реализовывать всю систему своих обязательных функций в меняющихся условиях, превращается в главный критерий его эффективности.

\043\

Нынешний кризис показывает, в каком направлении будут эволюционировать капитал в его взаимоотношениях с государством. Сегодня бизнес выдвигает одно главное требование –

создать капиталу не рыночные, но общественные, социальные гарантии производства и деятельности.

Государственная антикризисная поддержка так и осуществляется (через бюджетные вливания и протекционизм), исходя из того, что разрушение бизнес-среды и капитала явятся экономически неприемлемыми для развития стран, для условий жизни граждан.

Однако, если все признают обоснованность претензий бизнеса именно на общественно гарантированные, а не рыночные требования к его выживанию, то государство и общество, в свою очередь, могут и должны требовать от капитала общественного, социального, а не сугубо рыночного типа производства.

Речь идет о необходимости искать новые модели развития капитализма, где государство - партнёр рыночной системы, разделяет риски, умеряя прибыли и не допуская олигархического сращивания власти и капитала.

Всё это означает отказ от доминировавших в мире на протяжении последних столетий идей примата экономического роста и максимизации прибыли и об их замене ценностями качественного развития.

\044\

Еще Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» писал:

«Безудержная алчность не тождественна капитализму и ещё менее того - его "духу". Капитализм идентичен как раз обузданию этого иррационального стремления, его рационализации».

Такое регламентирование, устанавливаемое государством и обществом в партнерстве (а не войне, как при социализме) с

капиталом, вместе с новой этикой капитализма - основанной на социально значимом и ответственном накоплении капитала - и будут составлять ядро посткапиталистической модели развития. Которая, несомненно, обретет и своё полноценное имя.

\045 - 046\

Россия: особенности и вызовы кризиса

Причины кризиса в капиталистическом мире и в России различны. На Западе они связаны с крушением порочной модели развития.

В России ситуация выглядит принципиально иначе. **У нас нет кризиса государства и государственной политики.** Россия завершила цикл восстановительного роста после провала конца 1980-х и 1990-х годов и к моменту начала мирового кризиса **как раз** вышла в точку перехода к стратегии модернизации.

Мировой кризис ничего принципиально не поменял в системе базовых целей и задач развития, которые стояли перед Россией.

Должен произойти только ускоренный переход к их реализации. Влияние мирового кризиса лишь чётко выделило перекосы в нашей экономике. Ведь кризис пришёл извне, но воздействовал на нас своей глобальной свистопляской весьма болезненно.

\047\

Есть две причины такого развития событий, - это:

- монетаризм и принципы его экономической политики, которые нанесли серьёзный вред развитию России.
- низкое социальное качество бизнеса и соответственно "бизнес-элиты» (об «элитарности» в данном случае можно говорить только в кавычках), её слабая ответственность перед государством и обществом.

Устранение этих двух «генераторов кризисности» абсолютно необходимо. Только при этом условии мы сможем решить стоящие сегодня приоритетные оперативные задачи: перезапустить российскую экономику и сформировать дальнейшую стратегию непопадания в подобные кризисы, закладывающую базу для реализации последующих модернизационных задач, формирования инновационной экономики и инновационного общества.

Банкротство монетаризма и олигархии

Монетаризм - наиглавнейшая причина нашего кризиса. Вместо модернизации производственной экономики, как это успешно делает Китай, мы «погнались за монетой» и **по самые уши вляпались в глобальный финансовый спекулятизм.**

\048\

Оплачивали своё участие в нём национальными золотовалютными резервами, инвестированными в Запад. Наши резервы возвращали нам в упаковке глобального капитала и превращали в неподъемные долги.

Тот «ужас, ужас, ужас», в котором пребывают реальный сектор российской экономики, развитие внутреннего рынка, инвестиционный и потребительский спрос, возник не вчера. Единственное, что произошло в условиях кризиса, - у экономики исчезли костыли, на которых она ковыляла вперёд, изображая крепкое здоровье, но отнюдь ими не обладая.

Исчезнувшие костыли - внешний спрос на российский сырьевой экспорт, который упал в объеме и ценах, а также доступный и дешевый кредит, завязанный на иностранные деньги.

Уберите эти две деревяшки из экономической реальности, и выяснится, что с экономикой всё было так же, как сегодня. А наступления нынешнего глобального экономического кризиса никто бы особо и не заметил: по принципу **«у нас как было хреново, так оно и осталось».**

Фактически национальная экономика подорвана монетаризмом. Она не могла ответить адекватным предложением на рост внутреннего рынка, выросший внутренний платежеспособный спрос. Зависимость от импорта из-за этого только росла и консервировалась.

\049\

Не было денег на кардинальную модернизацию производства. А если они появлялись, то экономически опасным способом - через кредитные пирамиды внешних заимствований.

Сохранялся сырьевой характер экономики, но возникла и куда большая проблема. В какой-то момент кто-то почему-то решил, что благодаря сырью можно самим ничего не производить, потому что «всё купим».

И страна стала жить по опасному принципу: «нефть в обмен на продовольствие», «газ в обмен на машины», «лес в обмен на лекарства».

Мы не производили такой товар, как хозяйственная инфраструктура.

{V: Да это ведь и никакой не товар вовсе!}

За последние десятилетия у нас не было реализовано ни одного проекта национального масштаба по развитию инфраструктуры.

Не появилось принципиально новых крупных промышленных производств, новых ГЭС, кораблей, самолетов.

Спору нет, формирование Стабфонда - важная задача. Но накопительство заначки превратилось в самоцель и перешло границы разумности. В определенный момент нужно было и остановиться, направив средства в экономику, на расшивку инфраструктурного отставания.

\050\

Инфляция и импортозависимость, низкая скорость модернизации инфраструктуры - таков системный результат монетаризма.

Как любой скупой, мы заплатили дважды: до кризиса - на инвестициях в развитие чужой экономики, а сейчас, в условиях кризиса, вынуждены спустить все сбереженные средства на затыкание дыр.

Борьбу с инфляцией можно, наверное, сделать сверхзадачей, когда у вас нет фундаментальных структурных проблем в экономике. Но превращение борьбы с инфляцией в самоцель при недоразвитой экономике стало не чем иным, как политикой консервации нашего положения в качестве сырьевого придатка Запада.

Это стало политикой создания колониальной зависимости страны от более развитых экономик.

У наших монетаристов получается, что как приток капитала приводит к инфляции, так и отток - тоже к инфляции. Что сильный рубль - инфляционная угроза, что слабый - та же история. Что много, что мало денег - всё получается одно и то же.

Вот и в условиях кризиса рецидивы политики монетаризма продолжают оставаться главной угрозой для России.

\051\

Так, был сделан упор на спасение банковской системы. **Хотя банковская система - лишь «надстройка» и должны быть лишь инструментом** обеспечения экономического равновесия.

Ставка рефинансирования ЦБ России была поднята до 13%. Вместо того чтобы заниматься **основным делом** - кредитовать реальный сектор, - банки переключились на валютный рынок. Благо поиграть было чем: в дело пошли щедро выданные им деньги налогоплательщиков.

Ставки по банковским кредитам были задраны до 25-30%. Тут реальный сектор и получил остановку производства. Предприятия предпочли сокращать затраты, производства, увольнять людей. Кредит умер. Почти умерло и производство.

Оно до сих пор в коме, и на восстановление теперь может уйти намного больше времени, чем в случае, если бы Минфин и банки в течение всего кризиса не перекрывали кредитный кислород производству.

Финансовые власти проигнорировали основную свою обязанность - регулятора экономики.

Рассматривая реальную экономику в условиях кризиса как объект регулирования, следует выделить три элемента регулирования.

\052\

1. Наличие у предприятий оборотных средств. В кризис в большинстве хозяйствующих субъектов снижается уровень оборотных средств. Государство же при этом облегчает кредитование через снижение ставки рефинансирования и реального процента кредита.

2. Поддержание технологий производства. В кризисный период технология на предприятиях не развивается. Удачными считают только те совершенствования, которые приводят к снижению себестоимости продукции в данный период. Но государство должно смотреть «за горизонт» и инвестировать в модернизацию технологий даже в кризисный период.

3. Помощь государства реальному сектору в сбыте продукции. В кризисной ситуации государство не может оставаться безучастным к усилиям реального сектора по реализации продукции, осложненным сокращением общим снижением активности. Государство может защитить отечественное производство от импорта

протекционистскими мерами и стимулированием спроса на жилье, приобретения сложной техники, автомобилей, увеличения строительства инфраструктурных объектов, дорог и т.д.

Эти задачи государства следует, конечно, рассматривать как антикризисные.

\053\

Они и должны обеспечивать поддержание производства, облегчение кредитования, инвестиции в инфраструктуру и технологическое перевооружение, протекционистскую защиту внутреннего рынка и стимулирование спроса населения на отечественную продукцию.

Если государство проявляет пассивность в этих вопросах, страна не имеет перспектив выхода из кризиса.

Пришло время пересмотреть прежние догматы. В частности, понять, что **все последние годы в мировой экономике финансовые рынки и монетаризм создавали риски и проблемы, а не решали их.**

Как в своё время точно заметил Кейнс,

«когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дома, трудно ожидать хороших результатов».

Уповать на монетаризм - значит надеяться, что кто-нибудь опять надует новый финансовый пузырь и «всё образуется». Или, зажимая кредит и инвестиции для реального сектора, вести экономику к стагнации и одновременному росту цен.

Такой намечающийся сейчас «сценарий долгосрочной стагфляции» крайне опасен для России и означает для нас ни больше ни меньше, как повторение 1990-х годов.

Проблема и в том, что при громадных доходах, профиците бюджета и финансовых резервах Россия в последние годы была очень крупным заемщиком на мировых финансовых рынках. Речь не о государстве, которое как раз с долговым наследием прошлого в основном расплатилось.

\054\

Речь о новорусском бизнесе, корпорациях и банках, которые набрали дутых кредитов и наделали навеселе внешних долгов больше, чем на 500 млрд долларов.

В 1990-х годах люди, не умеющие управлять, получили в результате приватизации, крайне выгодной для её архитекторов, почти всё, чем обладала страна, - нефть, автозаводы, металлургические, химические и алюминиевые предприятия и много чего ещё. Но не умели и не смогли обеспечить их работу.

А нормальный, традиционный менеджмент, руководители-производители, пусть с советским, но с реальным трудовым опытом развития промышленности, был устранин.

Либералы и приватизаторы могут сколько угодно издеваться над советским прошлым (в основном, правда, прикрывая свою алчность и безграмотность). Могут насмехаться над «красными директорами» и Госпланом.

Но эти самые директора и этот самый Госплан хотя бы знали, как работает промышленность, что, как и когда нужно делать, в том числе в условиях кризисов. Для них нужды производства и недопустимость остановки промышленности были приоритетом - и экономическим, и моральным.

Вместо системы планомерного развития экономики в 1990-х годах, в том числе из-за патологического желания тогдашней власти выслужиться и изобразить прогрессивную «личину» перед Западом, нам выкатили когорту новоявленных «хозяев жизни» без реального производственного опыта, но с уникальными финансовыми аппетитами.

\055\

Эти «капитаны» экономики ни разу не видели «моря», но готовы были взяться за руль в любых финансовых потоках.

Они были одеты в респектабельные костюмы, но рабочая спецовка им была чужда. Неумение этих людей заниматься реальной работой даже при очень больших деньгах - вот важнейшая из причин кризиса.

Слишком часто деньги, которые они занимали на Западе, шли вовсе не на развитие и модернизацию производства, а на спекулятивные операции или на покупку непрофильных активов. На игры в яхтсменов, медиамагнатов и футбольных специалистов.

А национальное достояние, оторванное от государства в ходе приватизации, шло в залог этих игрищ.

Им хотелось побольше да побыстрее урвать, а не выстраивать долгосрочные стратегии развития производства, где и прибыли более умеренные, и ждать устойчивого и реального успеха нужно долго. Ждать не хочется, хочется всего здесь и сейчас.

А как мы помним, за 300% капиталист готов на что угодно. Поэтому не производство, но идея купить, заложить, спекулировать, реструктурировать, срубить инвестиций, а потом продать и «выйти в кэш» как была, так и осталась главной философией нашего бизнеса.

Машинка приобретения счастья за счет внешних кредитов работала довольно долго, но вот западная кредитная кормушка захлопнулась. Хотя, возможно, правильнее её назвать всё же мышеловкой.

\056\

Подсаживание «клиента» на иглу кредита и спекуляций, пускание пыли в глаза и взятие за долги активов ослепшего от такого счастья и «списка Форбса» доморощенного олигарха - всегда было главной задачей глобальной финансовой олигархии.

Её решение позволяло продвигаться к достижению основной цели - взять под контроль и внешнее управление всю страну, лишить государство его реального экономического, а затем и национального суверенитета.

Это могло бы продолжаться ещё какое-то время, если бы не кризис, который обнажил реальные «способности» этих магнатов и бизнес-воротил. Все они побежали к государству с криками о помощи.

То, что Российское государство сегодня фактически спасает от ухода на Запад за долги стратегические активы национальной экономики, конечно, правильно. Но нужно извлечь очевидные уроки из случившегося.

Спасая стратегические активы и производства, мы не должны спасать самих олигархов и горе-бизнесменов.

Государству необходимо национализировать не убытки, давая обанкротившимся собственникам и управленцам деньги на покрытие долгов, но национализировать - хотя бы временно, для наведения порядка - сами бизнесы, предприятия и корпорации.

Там же, где национализация нецелесообразна, следует оговаривать поддержку государства или безусловными ограничениями в хозяйственных правах, или сменой собственника.

\057\

Национализацию надо проводить по кризисным, «обвальным», а не рыночным ценам. Цель временной национализации сегодня - сохранить суверенитет страны, поставить на ноги производство и обеспечить занятость, налоговую базу бюджета и насыщение реального сектора экономики своей продукцией. Вложить средства в модернизацию.

А после решений по стабилизации и после перехода на этап развития можно осуществить приватизацию уже по реальным рыночным ценам, в пользу реальных эффективных собственников. С опорой на предпринимателей - а они, конечно, есть! - которые реальным делом доказали свою способность эффективно управлять.

Перезапуск экономики и его моторы

Сегодня время тех мер, когда нужно было просто оттащить экономику от края пропасти, прошло. Все немного успокоилось. Это хорошо.

Значит, самое время начинать разгребать глубокие завалы и извлекать из кризиса уроки. Настал момент, когда действия государства должны строиться не только как реагирующие на кризис, но как предотвращающие его последствия.

\058\

Поддержка не финансовых игр, а реального сектора экономики. Импортозамещение и доступный кредит. Новые рабочие места и как результат - обширный внутренний спрос на **наши** товары - вот интегральная формула выхода из кризиса и минимизации его последствий.

Главная задача - перезапуск экономики, реального сектора. Этого не происходит из-за коллапса кредитования экономики. В таких условиях концентрация усилий монетарных властей (ЦБ и Минфин) на целях сдерживания инфляции и оправдание этим «безденежья экономики» - опасны и вредны.

Минфин с убийственным упорством продолжает экономить деньги, подкапывать на нефти средства, объясняя, что нам опять нужен резерв на случай второй волны кризиса. Однако всё наоборот.

Именно продолжая ограничивать государственный спрос и не реагируя на аховую ситуацию в реальной экономике, наши финансовые власти эту самую вторую волну - закрытия производств и увольнений своими руками и создают.

Необходимо резкое снижение процентных ставок по кредитам, снижение ставки рефинансирования до уровня 4—6%.

Ссылки на то, что высокая инфляция требует высоких ставок, неадекватны.

\059\

Инфляция и её размер прямо зависят от ставок. Высокие ставки разгоняют, толкают вверх инфляцию, поскольку производители начинают закладывать высокие ставки в цены.

Для скорейшего выхода из кризиса необходимо расширить возможности регионов помогать предприятиям.

Несмотря на ошибочную позицию Минфина, необходимо восстановить права субъектов Федерации на выдачу бюджетных кредитов.

Задача регионов, в отличие от коммерческих банков, не зарабатывать прибыль, а льготными кредитами поддержать производства и зарплаты, рабочие места населения.

Экономике нужны максимально длинные и максимально дешевые деньги по «отрицательным ставкам», то есть ниже инфляции. Отрицательные ставки будут сдерживать рост цен производителей. Они необходимы на инновационные проекты, импортозамещение.

Какая может быть модернизация экономики, какие могут быть масштабные технологические инновации и НИОКРы при кредите на полгода или максимум год и отсутствии стратегических долгосрочных государственных инвестиций?

А если уж монетарные власти так беспокоятся об инфляционном давлении, то логично было бы ожидать от них внятных действий, направленных на то, чтобы дать в экономику длинные и неинфляционные деньги.

\060\

Но мы не видим реального движения вперед ни по развитию рынка государственных облигаций, ни по стимулированию инфраструктурных инвестиций.

Нужно выделить приоритетные отрасли для наращивания государственных инвестиций и насыщения экономики длинными деньгами. Эти отрасли станут **мультипликаторами** восстановления экономики.

Помимо поддержки оборонного комплекса (безусловная обязанность государства и защита суверенитета) такими секторами являются жилищное и инфраструктурное (дорожное, энергетическое и т.д.) строительство. Каждый дом или дорога - это спрос на металл, на цемент, на лес, на технику и оборудование, на транспортные перевозки, на рабочие руки. Это - рабочие места, восстановление производства и зарплаты во многих отраслях.

Мы импортируем много продуктов, автомобилей, одежды. А дома и дороги мы не импортируем. И это не сырье, что мы гоним на экспорт.

Это одна из основ нашего внутреннего производства, внутреннего спроса. Строительство - отрасль, которая была локомотивом и разгоняла экономический рост в предыдущие годы.

Могла бы она быть и тягачом выхода из кризиса. Это не просто отрасль производства, но отрасль повышения качества жизни, увеличения трудовой мобильности, а в нынешних условиях - ещё и отрасль **спасения** среднего класса.

\061\

Период кризиса нужно использовать и для того, чтобы ликвидировать отставание по инфраструктуре, которое у нас накоплено. Благодаря плану Рузвельта выход из депрессии 1930-х годов в США обеспечило именно строительство дорог, иной национальной инфраструктуры.

Сегодня по этому пути идёт Китай. И нам явно есть что строить и развивать. Россия сегодня строит в год 2-2,5 тыс. километров дорог, а необходимо на перспективу, по расчетам, ещё 250 тыс. километров. Такими темпами мы будем строить необходимую инфраструктуру более 100 лет. Наш годовой объем строительства дорог - это то, что Китай строит сейчас за 10 дней.

Поддержка реальной экономики нужна не только для производства, но и чтобы сохранить и создать новые рабочие места. Задача задач государства - дать людям работу с достойной оплатой. Уровень безработицы - синтетический показатель того, как чувствует себя общество. Если есть занятость, значит, есть рост производства.

Нельзя допустить, чтобы едва наметившийся выход экономики из кризиса пошел по сценарию восстановления без создания новых рабочих мест. А такая опасность формируется.

\062\

Бизнес, ожидая с 2011 года роста социальных налогов, склонен ещё более минимизировать занятость, даже несмотря на перспективы оживления экономики. Но выкинуть людей с опытом на улицу, - пусть и дав им пособия по безработице и ждать, когда кончится кризис, - это путь в *никуда*.

На выходе из кризиса мы тогда получим растрату человеческого капитала и невозможность вновь собрать квалифицированные кадры на производстве и в управлении. Получим утрату рабочих традиций, если закроем заводы и конвейеры, утрату технологий и передачи опыта.

Получим, если не поддержим «белых воротничков» и малый бизнес, практически полное исчезновение среднего класса. Социальное государство допустить такого не может.

Нужно оказать поддержку малому и среднему бизнесу - то есть «гумусному слою» экономики, который способен быстро и эффективно решать вопросы создания новых рабочих мест, импортозамещения, а также инновационной поддержки производств.

Протекционизм - является безусловным приоритетом. Ограничение квот для мигрантов - только первый шаг. Мы должны оставаться непреклонными и в отношении к более ответственному регулированию миграции.

\063\

Эта-то проблема становится ключевой для всех ведущих стран мира, в посткризисном мире она превратилась в один из важнейших вопросов международного сотрудничества.

Мы в России, если не хотим «проспать своё будущее», не можем подсаживаться на иглу заёмных кадров и трудовых ресурсов, а потом тихо на ней помирать как суверенное государство. Мы должны четко регулировать объем миграции.

Миграционные ресурсы нужно направлять в отрасли экономики, где они действительно нужны, и так контролировать ситуацию, чтобы бизнес не занимался «экономическим развратом». Дешевизна рабочих рук мигрантов развращает бизнес, не даёт развивать инновационные подходы, собственное профессиональное образование, воспитывать свои кадры.

Поддержка уровня потребления граждан с тем, чтобы экономика могла восстанавливаться и развиваться - ещё один важный вопрос. Сегодня угроза второй волны кризиса связана именно с опасными тенденциями в падении потребительского спроса.

\064\

Возьмём для оценки ситуации период до августа 2009 года. Вот официальные данные: падение оборота розничной торговли в России в августе 2009 года по сравнению с августом прошлого года ускорилось до 9,8%.

А всего за восемь месяцев текущего года товарооборот снизился на 4,7%. В нынешнем августе доходы населения России снизились на 6,8% по сравнению с августом 2008 года. Реальная начисленная зарплата упала на 5,6%, а с учетом задолженности (которая вдвое выше, чем год назад) ещё больше.

На этом фоне замедление инфляции объясняется именно падением потребительского спроса. Мы имеем дело с очень опасной ситуацией. Экономика теряет покупателя.

Падение конечного потребительского спроса становится проблемой. Нехватка денег движется волной от недостаточного кредитования предприятий к убыли их оборотных средств, к сокращению зарплат и рабочих мест, к падению доходов и потребительского спроса.

\065\

Круг замыкается и превращается в «нисходящую спираль Кейнса», которая была главным кризисным механизмом Великой депрессии: вместе с потребительским спросом падает потребность в продукции предприятий, начинается новая волна сокращений, новое падение доходов и потребительского спроса. Этот чудовищный маховик уже начал у нас раскручиваться.

Ожидания государства, что потребительский спрос подстегнёт беспрецедентное повышение пенсий, оправданы лишь частично. Однако с точки зрения стимулирования общего потребительского спроса для экономики эффект может быть не столь существен - из-за высокой склонности пенсионеров к сбережению и накоплению.

Конечно, эти деньги всё равно придут в экономику, но для восстановления спроса нужны серьёзные государственные меры. Государство обязано не допустить раскручивания спирали Кейнса.

Расходы государства есть не что иное, как доходы населения, рост инвестиций и производства. Это позволяет вырваться из дурной бесконечности спирали и восстановить экономику.

\066\

Необходимо поднять спрос. Причем быстро и радикально! Для этого необходима государственная целевая программа, стимулирующая потребление через кредитование покупателя под минимальный процент и на максимально возможный срок. Целевые, кредиты должно выдавать на приобретение товаров именно отечественного производства.

Гражданам - на приобретение жилья, земельных участков, автомобилей; малому бизнесу - на покупку техники, оборудования, приборов, на ипотеку офисов и так далее.

Чтобы такие меры стимулирования сработали, необходимо дополнить их национальной программой по импортозамещению повседневных товаров.

Нам нужен полноразмерный внутренний рынок национальной продукции дешёвых товаров. А таких у нас масса, и их потенциал сильно недооценен.

Страна, создавшая когда-то флотилии гражданской авиации, сегодня выпускает практически только военные машины. Страна, добывающая нефть и газ, покупает за рубежом бытовую химию, полимеры, мыло.

Даже подарки мы дарим друг другу китайские. Нужна программа под лозунгом не только «Покупай!», но и «Производи и покупай российское!». Это будет иметь экономический и важный политический, патриотический эффект.

\067\

Особенно важны такие меры в аграрном секторе. Россия имеет 9% посевных площадей мира, а продукции сельского хозяйства производит немногим больше 1%, обеспечивая себя лишь наполовину.

Быть сырьевой державой в аграрной сфере - это не зазорно, а необходимо. Способность заработать на хлеб - главный принцип личной свободы. А способность народа прокормить себя - основа национального суверенитета.

Сейчас мир поразила аграрная инфляция. Речь идёт о том, что продовольствие становится стратегическим ресурсом в не меньшей степени, чем энергоносители.

Ситуация в мире сегодня характеризуется началом глобальной войны между нефтью и хлебом, точнее, войны между углеводородами и биотопливом.

Проблема нехватки продовольствия станет одной из глобальных проблем. Уже сейчас на планете - почти миллиард человек, которым не хватает продовольствия или денег, чтобы его приобрести.

Наряду с «золотым миллиардом» на Земле отныне будет и другой - **униженный и истощенный миллиард.**

\068\

В этих условиях умение обеспечить и себя, и весь мир зерном, продовольствием - признак не отсталости, а силы и лидерства. Мы имеем возможность стать такой страной в ближайшие десятилетия. И тогда мы будем одной из главных и устойчивых экономик мира.

Вернув в оборот миллионы гектаров пашни, повысив урожайность и двинув на север возможности выращивания многих сельхозкультур, Россия вполне может решить системную задачу - выйти на уровень производства зерновых из расчета одна тонна на человека.

Производя сегодня 80 млн тонн зерна в год и добившись роста на 50-60 млн тонн, мы вполне сможем обеспечить основной объем внутренних потребностей, включая главную проблему - освобождение от ярма кормовой зависимости отечественного животноводства.

В производстве продуктов питания мы имеем потенциал полного самообеспечения по зерну, мясу птицы, свинине, молоку, по большинству овощей. Можем кардинально снизить

импортозависимость по говядине, в разы увеличить производство кукурузы и иной кормовой базы животноводства.

Россия может с Казахстаном и Украиной создать «зерновую ОПЕК». Как только Евросоюз отменит свои субсидии по зерну, мы можем претендовать на половину тамошнего рынка, не говоря уже про Африку, Китай. Индию.

\069\

Необходима и полноценная программа социального развития села. России следует решить фундаментальную социологическую проблему - обеспечить возвращение людей на землю.

Нарастающая урбанизация - это большая проблема. Мировые тенденции указывают на пагубность такого пути, необходимость из соображений национальной безопасности способствовать деконцентрации населения, росту пригородов и их агломераций, возвращению населения в деревню.

Нужно выравнять всю инфраструктуру жизни, качество «жизненного пространства» в городе и деревне. Необходимы жилищное строительство на селе, развитие дорожной сети, газификация, создание принципиально нового образования и здравоохранения, сферы культуры, промыслов и «деревенского туризма».

Такие инвестиции могут быть сегодня важным направлением контркризисных мер.

Строительство новых поселков и малых городов станет важнейшим инструментом демографического роста, повышения рождаемости и продолжительности жизни населения. Массовый сельский средний класс, массовый и многодетный «сельский буржуа» - как раз то, что необходимо России.

\070\

Не проспать посткризисный мир

Центральный вопрос - поиск собственной «стратегии выхода» - в посткризисный период. Страны, которые первыми это сделают, окажутся лидерами. Россия имеет все шансы и должна быть среди лидеров. Важно не упустить, не проспать эти шансы.

В 20-х годах прошлого века русский экономист Николай Кондратьев сформулировал модель циклов развития мировой экономики, связанных с инновационным движением технологий.

Сегодня эту логику восходящих циклов принято называть сменой «технологических укладов». Каждый из них создает свои «моторы»

роста, а национальная конкурентоспособность зависит от способности если не возглавить, то оседлать волну нового уклада, те технологии и идеи развития, которые лежат в его основе.

Однако как эти самые «моторы», так и сами лидерство и конкурентоспособность не вечны.

\071\

Большой Кондратьевский цикл продолжительностью около 40-50 лет (с тенденцией к сжиманию каждого нового цикла из-за ускорения экономических трансформаций) состоит из двух стадий - «повышательной» (20-30 лет) и «понижательной» (около 20 лет).

На стадии роста новый технологический уклад аккумулирует и эффективно использует капитал для перехода на новый уровень развития производительных сил и технологий. Фаза же спада внешне может даже характеризоваться расцветом текущего уклада, их **частичным усовершенствованием**, расширением и диффузией применения во всех сферах, копированием и внедрением не только в странах-лидерах, но и на периферии глобальной экономики.

Однако главная экономическая особенность этого периода, когда очередной уклад начинает выдыхаться, состоит в потере эффективности использования капитала от ещё недавно прорывных технологических идей. Происходит неуклонное снижение КПД тех самых «моторов роста», они становятся «общим местом» экономики. Капитал начинает искать «идеи будущего» для экономики.

\072\

Это, конечно, может быть и спекулятивная модель надувания финансовых пузырей, как, собственно, и произошло, когда в рамках уже выдыхающейся волны роста пятого Кондратьевского цикла, выстроенной вокруг микроэлектроники, идеологии информационного общества, была достроена система транскапитализма.

Однако, как видим, придумать и организовать подобный «конец истории» для циклов развития мировой экономики не получилось.

Пятый Кондратьевский цикл перешёл в свою финальную стадию. Скоро произойдет переход к новому, шестому, технологическому укладу. Он скорее всего будет вырастать из новой архитектуры мировых финансов и торговли («всемирный доллар» и ВТО в нынешнем виде кризис вряд ли переживут), новых технологических моторов (био- и нанотехнологии, квантовые компьютерные технологии, новая энергетика), переосмысления роли природных

ресурсов, а также ориентации на «сверхкапитализацию» человеческого потенциала.

\073\

Крушение «старого капитализма» не означает, что логика больших циклов кардинально изменится. Напротив, посткапитализм, построенный на новых принципах частно-государственного партнерства, приведёт к тому, что и бизнес, и государства рванут к новому укладу рука об руку.

Следует прислушаться, наконец, к великому экономисту-соотечественнику и извлечь уроки. Если в 30-х годах Советский Союз смог на сломе третьего Кондратьевского цикла осуществить необходимую индустриальную модернизацию, то следующий переход 1970-х годов был позорно пропущен. И это произошло не без «помощи» Запада.

Чтобы «не выпасть из будущего», страна не может позволить себе пропустить два технологических перехода подряд. Для России ближайшие 10-15 лет являются моментом истины и жестким экзаменом на глобальную конкурентоспособность и на «наличие будущего» как такового.

\074\

Мы не должны сегодня рассчитывать на то, что мировой кризис скоро кончится и мы сможем как-то его пересидеть и вновь дожидаться отрастания цен на нефть и дешевого западного кредита. Это было бы больше, чем ошибка.

А некоторые признаки упования на такой сценарий всё ещё есть. Они проскальзывают в деятельности и государства, и бизнеса.

Кризис означает для нас конец сырьевой экономики. Нам следует научиться жить независимо от того, что будет с нефтью через год. Следует понять то, что к 2030-2040 годам от нынешней роли нефти в мировой экономике скорее всего не останется и следа.

Даже сейчас, когда страна получает от нефтяного экспорта порядка 100 млрд долларов в год, доходы, к примеру, Индии от экспорта программного обеспечения к 2010 году достигнут 60 млрд долларов и будут дальше расти.

Числа сопоставимые и пугающе тождественные. Только ещё нужно учесть, что мы распродаем невозобновляемые национальные богатства. На таком фоне наши нынешние представления о собственном энергетическом величии изрядно меркнут.

\075\

Правы экономисты и историки, утверждающие, что обладание природными богатствами часто оборачивается не благом, а «сырьевым проклятием». Возможно, и правда, что у кого нет сырья, тот имеет больше времени, чтобы думать.

Если мы не хотим быть «проклятыми», прежде всего нашими потомками, эту ситуацию необходимо менять.

Отказ от сырьевой модели развития не означает, что мы должны просто «перескочить» в постиндустриальный мир, - заменить нефтяные трубы нанотрубками, а газовые сети - сетями компьютерными. Двигаться в этом направлении тоже, конечно, необходимо.

И нынешние усилия государства по формированию системы приоритетных направлений технологической модернизации и по созданию инфраструктуры инновационной экономики правильны.

Только нельзя забывать, что для успешной модернизации нужна база реальной производственной экономики. Массовое внедрение новой техники и технологий, смена технологической основы экономики должны не повисать в воздухе красивой картинкой - «вот что мы в принципе можем», а формировать мощь индустрии страны.

\076\

Любая модернизация всегда отталкивается от индустриального развития промышленности, экономики. Признаком любой модернизации является опережающий рост промышленности и строительства по отношению к росту ВВП.

Если же космическими темпами растут только финансовый сектор, торговля и сфера услуг, да ещё полностью зависимые от импорта, то это не модернизация, а ничем не обоснованное и **незаработанное** создание «общества потребления» и проедание собственного будущего.

Мы перешагнули рубеж, когда инфраструктура ещё советского периода окончательно устарела. Экономика подошла к ситуации, когда возможности «восстановительного роста» исчерпаны. Необходимо строительство новых производств. На пороге такой ситуации - нефтепереработка, машиностроение, энергетика, строительная индустрия и другие.

\077\

Поэтому процесс должен опираться на фундаментальную задачу формирования новой производственной базы и инфраструктуры, развертывания новых производительных сил.

Координация государством системы частно-государственного партнерства должна подавить ориентацию бизнеса на краткосрочную, перспективу возврата инвестиций. Планирование развития нельзя строить, опираясь только на финансовые показатели компаний, независимо от того, что они производят и производят ли что-то вообще.

Нельзя пускаться на **бизнес-самотёк** и развитие промышленности. Например, в последние годы как грибы растут автосборочные заводы. Понятно, что это решает некоторые задачи - создание рабочих мест и т.п., но здесь не решают вопрос инноваций и развития отечественного двигателестроения. И что будет через 5-10 лет, когда эти «автосборки» начнут устаревать?

\078\

Будет ли их кто-то модернизировать, или иностранные автоконцерны как «цыганский табор», снимутся с места, закроют завод и пойдут дальше искать себе новые площадки?

Пройдёт ещё 7-10 лет и более 25% машин в мире будут ездить на гибридных двигателях. Это происходит сейчас не только в Европе, но и в США.

Обама спасает американский автопром, выделяются большие деньги, но под чёткие цели - через несколько лет американцы должны пересесть на маленькие гибрид-автомобили и даже электрокары. В следующем году свой первый электромобиль выпустит Китай. И это у них - государственная политика. Вновь, как и 30 лет назад, мы можем остаться на месте, когда мир опять совершит новый скачок.

Всё это лишний раз доказывает, что только государство может адекватно оценивать комплексные долгосрочные задачи развития экономики, взаимосвязи отраслей, регионов для решения этих национальных задач.

\079\

Если у социализма и было системное преимущество, то оно состояло именно в наличии системы долгосрочного планирования национального развития. Именно этот "Элемент социализма»

капиталистические государства перенимали активно и продолжают до сих пор.

Мы же должны эту систему восстановить.

Отличительной чертой советского Госплана было наличие фундаментальной научно-исследовательской базы. Отдельный государственный Совет по изучению производительных сил производил ежегодные комплексные исследования по проблемам размещения производительных сил.

Сегодня это планирование утрачено, и мы несём огромные и ненужные издержки только на том, что вынуждены таскать ресурсы, сырье, трудовые потоки по всей стране вместо того, чтобы делать всё компактно.

Крайне важно помнить, что постиндустриальная эпоха не означает экономику без индустрии, а, напротив, опирается на неё как на «разгонную» ступень нового экономического уклада.

Поэтому для России главный вопрос сегодня - это сверхиндустриализация, то есть создание **новой индустрии** и собственного предложения новых товаров, технологий и услуг.

\080\

Инновации должны питать традиционные отрасли экономики, увеличивая там добавленную стоимость, уменьшая издержки и обеспечивая рост производительности труда. Инновации дают прирост экономики, если проникают во многие её сферы и формируют общий высокий уровень развитости, а не отдельные «звересты» производственной системы при её фактической недееспособности.

Только на этой базе, - создавая задел для масштабной инновационной деятельности, создания принципиально новых продуктов, процессов и технологий, мы сможем войти в шестой технологический уклад.

\081 - 082\

Россия, действуй!

Сегодня в России ситуация решающего выбора. Нам необходимо перейти от стратегии стабилизации к решению задач модернизационного рывка.

Главное - это скорость перехода к действиям вполне конкретным. От того, куда и как пойдет страна в ближайшие 10 лет,

зависит судьба России. А решения нужно принять, осознавая, что запас времени для маневра не велик. Под влиянием факторов трансформаций капитализма «время на размышление» будет только сжиматься.

\083\

Чтобы создавать своё будущее, необходимо выделить ключевые проекты общей социальной и государственно-управленческой модернизации страны. Ими программа модернизации, конечно, не исчерпывается, но в них коренится её успех.

Они «зацепят» самую суть многих проблем экономики и общества. Укажут направления прорыва. О ключевых «локомотивах модернизации" и нужно поговорить подробнее.

Бережливая Россия

В ряду проблем не только экономики, но и национального образа мысли и жизни есть одна, решение которой становится приоритетом модернизации, затрагивающим каждого гражданина страны. Это - беспрецедентно высокая энергозатратность всего нашего образа жизни.

Мы тратим слишком много ресурсов - энергии, воды, топлива, металла, дерева. Избыточно много и безответственно. Даже таких, как у нас, богатейших природных ресурсов рано или поздно не хватит.

Эта энергозатратность и определяет отсталый тип нашей экономики. Для неё характерна низкая конкурентоспособность отечественной **продукции.**

\084\

Допотопный уровень производительности труда в экономике. Буксующее импортозамещение. Удручающие бюджеты российских домашних хозяйств и несовременное качество жизни людей. Ухудшающаяся экологическая обстановка. Высокая интенсивность истощения запасов.

При сохранении существующего уровня энергозатратности через 15-20 лет мы пройдем «точку невозврата» в неконкурентоспособности страны и рискуем потерять экономическую состоятельность.

Если кажется, что в оценке проблемы энергозатратности высок градус алармизма. то это не так. Мы уже лет 30-35 - недооцениваем серьезность вопроса. Знаменитый нефтяной кризис начала 70-х годов прошлого века привел к тому, что ведущие страны мира сделали энергоэффективность и ресурсосбережение одним из главных приоритетов своего развития.

Произошедшая тогда «Первая ресурсосберегающая революция» привела к смене модели мировой экономики. Сделала энергоэффективность одним из основных моторов инновационного роста.

\085\

У нас же за последние десятилетия мало что изменилось. Нынешний глобальный кризис, случившийся после комфортных для нас «тучных лет», является последним шансом для модернизации экономики. Планы и стратегии самых разных стран по выходу из кризиса не оставляют в этом особых сомнений.

В странах «большой двадцатки» инвестиции, которые направляют на возобновляемые источники энергии, новые виды топлива, природоохранные технологии, энергоэффективность зданий, управление отходами и т.д., составляют в среднем порядка 15-16% расходов антикризисных мер.

Научные исследования растут по всему миру и связаны с энергоэффективностью ещё больше. До 2020 года Китай планирует вложить 200 млрд долларов в то, чтобы увеличить долю возобновляемых источников энергии более чем в два раза и довести эту долю до 15%.

\086\

В странах Европы к тому же времени доля возобновляемой энергии вырастет до 35-40%. Западноевропейские корпорации готовы вкладывать очень большие деньги (более 400 млрд евро) в идеи, которые ещё вчера казались фантастическими и нереалистичными.

Речь идет, в частности, о проекте Desertec - строительстве в африканской Сахаре огромных полей из солнечных батарей. И эта сеть солнечных электростанций будет способна потом обеспечивать до 15-20% всех потребностей Евросоюза в электроэнергии.

{V: Не говоря уже о том, что эти поля повлияют на среднюю температуру воздуха и изменять к лучшему гидрорежим Сахары. Вообще же, на сегодня, достаточно квадратного поля гелиостатов размером в 500 км, чтобы закрыть все энергопотребности Человечества!}

Мы же по-прежнему остаемся чемпионами мира в части проедания энергии. Россия занимает сегодня третье место в мире по объему энергопотребления (после США и Китая), но при этом тратит больше энергии на единицу ВВП, чем любая из стран, входящих в число крупнейших потребителей энергии.

По данным Всемирного банка, в единице продукции, произведенной на территории России, 40% затрат приходится на энергию, а в тех же США - 18%, в ведущих европейских странах и того меньше.

Через 15-20 лет мы окажемся в патовом положении - повседневная расточительность приведет к тому, что мы станем энергодефицитной страной.

\087\

Уже и сейчас, чтобы выполнять экспортные обязательства по газу и одновременно кормить выстроенное под избыток газа внутреннее потребление, не обойтись без его закупок в Средней Азии.

Так и будем продавать сами себе извлекаемые нефть и газ по высоким ценам. Будем нести слишком высокие издержки для себестоимости любых отечественных товаров и услуг. Как результат - неспособность экономики быть конкурентоспособной, а населения - платежеспособным.

Иногда проблему энергоэффективности пытаются отместить в сторону, ссылаясь на то, что Россия - большая северная страна, а раз так, нам всегда придётся тратить больше ресурсов и средств, чтобы обеспечить просто элементарную жизнедеятельность общества.

Конечно, доля правды в этом есть. Однако энергоэффективность нашей экономики и ведущих экономик мира отличается в несколько раз. И ссылки на невероятную особенность России начинают выглядеть как пораженчество.

Объективный и учитывающий нашу специфику потенциал сокращения энергозатратности промышленного сектора и ЖКХ оценивается на уровне 40-50%. Так что ссылки на то, что «у нас сделать, как у них, невозможно», скорее уж указывают на нашу запредельную лень и пофигизм.

\088\

Можно, наконец, сравнить Россию с далеко не южными странами. Финляндия - не только близкая нам по условиям страна, но ещё и бывшая, пусть и особая, часть Российской империи. Именно Финляндия является едва ли не самой энергоэффективной страной в Европе, а с ней тягается в этом не менее нордическая Швеция.

Финны ещё и лидеры в мире по использованию биоэнергии. В финских домах нормой является использование не только

биотоплива, но и грунтового тепла, ветровой энергии, а также энергии вполне северного солнца. Развитие соответствующих технологий делает их существенной отраслью финской экономики и статьей экспорта.

Могут другие, должны сделать и мы.

Наше преимущество перед странами с развитыми экономиками будет ещё и в том, что для них этот потенциал в существенной степени уже использован, а перед нами - непаханое поле повышения энергоэффективности и конкурентоспособности.

Вопрос о необходимости снизить к 2020 году энергоёмкости валового внутреннего продукта на 40% по сравнению с 2007 годом поставлен как четкая политическая и экономическая задача и в программе «Россия-2020», и в других государственных решениях.

Если мы этой цели добьёмся, то будем экономить ежегодно столько энергии, сколько вообще использует за тот же год такая страна, как Франция. Прежде чем у нас заработает технологическая модернизация, нужно кое-что «поправить в головах», чтобы с энергоэффективностью у нас не вышло «как всегда».

\089\

Главное, что необходимо, - это внедрение технических регламентов и нормативов, которые создавали бы чёткие экономические стимулы для экономного поведения, внедрения новых технологий, улучшения экологии.

У нас, наоборот, - энергетиков долгое время штрафовали за недобор энергии. Это абсолютная дикость: вас не поощряют, а наказывают, и наказывают существенно, рублём, если вы попытались и смогли сэкономить.

Когда искажены мотивы производственной деятельности, а для бережливости никакого внятного «кнута и пряника» нет, то мы никогда не вырвемся из нынешней ситуации.

Сколько можно откладывать переход на современные стандарты? Даже когда принимают соответствующие современным экологическим и энергоэффективным требованиям регламенты, мы потом видим, как сроки их введения в практику начинают переносить, и эти переносы стремятся в бесконечность.

Все вокруг внедряют топливные стандарты Евро-5, а мы всё кричим, что для нас Евро-3 рановато и не под силу.

Подобному безволию и циничной безответственности бизнеса следует положить конец. В случае с энергоэффективностью пора оборвать привычную песню: денег на всё на это нет, а в кризис нет тем более.

Нефть, газ и другое сырьё, которые мы сэкономим, окупят все вложения.

\090\

Мероприятия по ресурсосбережению способны привести к экономии 80 млрд долларов ежегодно, а экспорт сэкономленных энергоресурсов дать ещё 120-150 млрд долларов в год. Общий эффект энергосбережения может принести более 200 млрд долларов в год,

и вся инвестиционная программа энергоэффективности России окупится в течение 2-3 лет. Создавая стандарты энергоэффективности, нужно мотивировать рублём, а когда надо, то и стимулировать пинком саму энергетику.

Именно в энергетике у нас сегодня самая провальная ситуация по производительности труда (в четыре раза меньше, чем в развитых странах). Старые котельные и ТЭЦ сжигают почём зря нефть и газ с КПД всего лишь 35-40%.

По данным McKinsey, почти 40% электростанций в России старше 40 лет, в США таких станций - 28%, в Японии - 12%, Китае - 3%. Треть всего потенциала энергосбережения и повышения энергоэффективности приходится на ТЭК.

Если модернизируем генерацию, на выходе получим не дефицит, а серьёзный резерв энерго мощностей для развития экономики, а также сэкономим во внутреннем потреблении изрядную долю нефти, газа и энергетического угля.

\091\

И, кстати выяснится, что непомерная плата за подключение к электросетям, которая душит у нас малый бизнес и строительство доступного жилья, создана искусственно.

Та же ситуация в промышленности. Наша чёрная металлургия наполовину работает по давно устаревшим технологиям и на безнадежно отставшем оборудовании демидовских времён.

Необходимо, чтобы государство на уровне стандартов жёстко требовало определенных темпов модернизации. Запрещало производство продукции, если оно не соответствует современным экологическим мировым показателям.

Тогда бы дело пошло. Стали бы понятными стимулы инвестировать в модернизацию производства, а не в яхты.

Были бы чёткие критерии конкуренции. Кто не успел - вылетел с рынка. Мы получили бы в металлургии огромную экономию - до 45% - и по энергоёмкости, имели бы совершенно иные показатели производительности труда (сейчас лишь 30% от производительности в США и едва половина от южнокорейской).

И тогда, даже в условиях кризиса, наша черная металлургия не рухнула бы как подкошенная. Повышать эффективность промышленности и энергоинфраструктуры - это значит вытаскивать резервы существующей системы.

\092\

Нужно идти дальше и создавать дополнительный ресурсосберегающий энергетический потенциал. Передовые страны выходят сейчас на рубежи десятипроцентной доли (в Дании - более 12%) использования возобновляемых источников энергии и намерены её увеличить в 2-3 раза в ближайшие 10 лет.

Мы не можем игнорировать это движение, когда мы на 98% потребляем энергию из нефти, газа и других невозобновляемых источников. Конечно, у нас большой опыт и потенциал в ядерной энергетике. Нужно заниматься и отдаленными перспективами водородной энергетики. Но необходимы и другие, очевидные, шаги.

Биотопливо, использующее в качестве сырья сельскохозяйственные культуры, - несомненное зло.

Эта индустрия с подачи США уже натворила в мире немало бед и способна подорвать продовольственную безопасность планеты. Однако совершенно иначе выглядят перспективы развития более прогрессивных биотопливных технологий.

Например, биоэтанола, получаемого из древесины с использованием микроорганизмов. Россия как «лесная супердержава» обладает одними из самых высоких в мире запасов сырья из отходов деревопереработки и наиболее крупной в мире гидролизной промышленностью.

\093\

Мы умеем делать не только водку, но и промышленные спирты. Нужно только научиться всё это эффективно использовать.

Россия - не самая солнечная страна, однако потенциал солнечной энергетики в значительной части регионов есть, не говоря уже о её использовании в ЖКХ - строительстве солнечных домовых электросистем и систем нагрева воды.

В США национальная программа «Миллион солнечных крыш» выделила 13 «солнечных» городов, в которых предусмотрено ускоренное внедрение солнечных технологий в энергетике.

Аналогичные программы есть в Японии, в ряде стран Европы, даже в Монголии. Такая программа необходима и нам.

Что же до нашего «северного» солнца, то вопрос в том, хотим ли мы искать отговорки или делать дело.

Да, у существующих солнечных батарей не высокий КПД. Однако учёные утверждают, что у них есть ноу-хау, позволяющее выйти на КПД более 50%.

\094\

Можно ведь и свой «миллион крыш» сделать и ещё создать рынок экспорта отечественных солнечных батарей.

Главная проблема ветроэнергетики в мире - дефицит самого ветра, из-за чего энергии вырабатывают иногда недостаточно и технология становится малоэффективной. Но из всех стран мира именно Россия (наряду с Канадой и США) имеет самый большой ветроэнергетический потенциал.

И ветра много, и дует он как надо и территория большая. Однако у нас нет ветряков, хотя максимальный технический потенциал ветроэнергетики в России составляет 2 млрд тонн условного топлива в год.

Зато лидером является Германия, где работает порядка 20 тыс. ветрогенераторов с суммарной мощностью 24 тыс. МВт. Это примерно соответствует мощности четырех Красноярских ГЭС. С помощью ветра в ФРГ производят более 7% всего электричества, и этот показатель планируют удвоить.

Развитие ветроэнергетики давно (после аварии в Чернобыле) поддерживается и субсидируется правительством, и до 2020 года государство на это потратит не менее 13 млрд евро. В Германии наладили и самую сильную индустрию ветроустановок, в том числе морского типа. Порядка 70% немецких ветряных генераторов идут на экспорт.

\095\

Немцы дают пример государственного подхода. И нам нужно создать государственную целевую программу энергоэффективности. Мы получим не только новые технологии и рабочие места, но и новую отрасль инновационной экономики.

Есть ещё звено, потянув за которое можно раскрутить программы энергоэффективности не только в экономике, но и в обществе.

Таким звеном, несомненно, является ЖКХ - энергетический собес» ещё советского периода. Благодаря архаичному ЖКХ мы смогли минимизировать социальные потрясения в период 1990-х.

Модернизация в этой сфере особо не шла, но сегодня сохранение сферы ЖКХ в прежнем виде уже невозможно.

\096\

Коммуналка испускает дух, её ресурсы существования исчерпаны.

Изношенная, устаревшая по технологиям и с низким КПД электро- и тепло-генерация. Громоздкая и ветхая инфраструктура с набившими оскомину потерями в магистралях в 20-40% производимой энергии. Низкая энергоэффективность устаревающего жилого фонда, из-за чего мы «топим улицы», а не квартиры.

Есть и обратная сторона медали - расточительное потребление. В нашей стране энергоресурсы очень долго были «дармовыми», а у потребителя нет внятной привычки экономить.

А надо бы создавать для этого стимулы, как, например, в той же Германии, где коммунальные ресурсы совсем не копейки стоят. Но если вы реконструируете свой дом с применением энергосберегающих технологий, то государство вам субсидирует кредиты на очень льготных условиях.

Пока подобного рода механизмов нет, наш результат закономерен. Ведь вот расход тепла на метр жилой площади в северных Скандинавских странах на 45-50% ниже аналогичных наших показателей.

По расходу воды наша страна также занимает лидирующее место: 350 л/чел, в России против 114 л/чел, в Дании, 151 л/чел, в Германии.

\097\

В целом в российском ЖКХ средний расход энергии составляет 229 кВт·ч/кв. м в год, а в странах ЕС - 77 кВт·ч/кв. м в год. Разница в три раза. При этом в Евросоюзе уже в 2010 году будут применять требование, чтобы все строящиеся объекты соответствовали второму классу энергоэффективности (с энергозатратами 37 кВт·ч/ кв. м в год), а в 2015 году нормой станет 25 кВт·ч/кв. м в год.

Наша столица давно и много делает в сфере энерго- и ресурсосбережения. Учитывая, что доля сектора ЖКХ Москвы в федеральном масштабе превышает 10%, переход Москвы на энергоэффективные технологии будет ощутимым в масштабах страны.

\098\

Разработана и реализуется программа закрытия неэффективных котельных, а РТС оснащаются газотурбинными установками и начинают работать в режиме производства энергии и затем уже вторичного парового цикла для горячего водоснабжения жилого сектора.

Это позволяет повысить КПД работы по теплоснабжению с 50 до 85%.

\099\

В Евросоюзе все новые здания начиная с 2019 года должны будут иметь нулевой энергетический баланс. Это означает, что все строящиеся здания будут сами производить на месте за счет различных технологий и использования возобновляемых источников столько энергии, сколько ими потребляется.

Мы должны ставить аналогичные цели. Воспитание добросовестного собственника - важнейшая задача.

Начинать всегда нужно с себя. И модернизация, о которой столько говорят, должна отталкиваться от простых действий каждого.

Плясать, что называется, надо от банальной лампочки. Той самой, которая только на 20% работает на освещение. А в результате получается, что половина электростанций у нас работает впустую.

\100\

Примеры можно приводить долго. Но надо понять главное - наша способность бережно относиться к ресурсам должна стать первым критерием успешности модернизации страны.

Контроль над ресурсами - это не только контроль над их добычей и экспортом. Это прежде всего контроль над их сбережением. Бережливой должна стать вся Россия, каждый из нас. Экономия должна стать модной.

Она должна прийти на смену гламуру и гонке сверхпотребления. Люди должны начать гордиться тем, сколько сэкономили, а не хвастаться тем, сколько потратили, не завидовать тому, кто транжирит, а смеяться над ним.

\101\

Представьте, что будет, если научиться выключать воду и свет, когда они не нужны. И ещё модернизируем котельные и ТЭЦ, многие из которых современники «лампочки Ильича». Начнём правильно собирать, сортировать и перерабатывать мусор. Это будет не только экономия и экономический эффект. Это уже будет то самое гражданское общество, - новая Россия.

{V: Всё это уже реализовал в городе Куритиба (столице штата Парана в Бразилии), более умный, чем Эйнштейн, но ещё и хитрый и сметливый Хаим Лернер, - тамошний

мэр. Градоначальники и экономисты стесняются ездить за опытом к Лернеру. А зря!}

Умное развитие

Главным является человеческий капитал. Новую экономику будут создавать люди - квалифицированные рабочие, инженеры, ученые, врачи, учителя.

Это превращает в фундаментальную задачу «сбережение народа». Не выработав программу наращивания качества «человеческого капитала», Россия может превратиться в «пустое пространство», а его ресурсы будут интернационализированы.

\102\

В довершение всего в это пустое пространство, как в резервацию, будут сброшены все проблемы современного мира (миграционные волны, экологические отходы, международный терроризм и так далее).

Важнейшим фактором демографической безопасности страны является уяснение ценности жизни.

Российская нация не выживет, если не осознает взаимную ответственность и государства, и самих граждан за «экологию жизни», за сбережение каждой человеческой жизни.

О том, насколько назрели проблемы, свидетельствуют цифры. Количество убийств в стране «зашкаливает»:

22 убийства в год на 100 тыс. человек (в Европе 1-2 на 100 тыс. человек);

24 смерти в результате ДТП на 100 тыс. человек - при девяти в среднем по Европе.

По данным ООН, в России шансы умереть молодым составляют 31,6%. В США этот показатель - 11,8%, а в Норвегии - всего 8,4%, в 4 раза меньше, чем в России.

По продолжительности жизни Россия отстает от стран Запада и Японии на 15-17 лет и находится в одном ряду с Монголией, Марокко и Гватемалой.

Россия не может себе позволить хоронить молодых. Терять каждый год более 500 тыс. жизней в автокатастрофах, алкогольном угаре, табачном дыме, наркоманском кайфе.

\103\

Избавление от кошмара этих цифр предполагает, что жесткие и чёткие программы снижения потерь населения от подобных явлений должны стать приоритетом для власти и критерием оценки её эффективности.

Низко качество профилактики заболеваний. В обществе отсутствует культура заботы о своем здоровье. Это требует философии защиты жизни человека и качества жизни.

Новый технологический уклад, который грядет в мире, будет связан с формированием важнейшей индустрии резкого повышения продолжительности жизни человека.

В качестве лидера цивилизации на смену «золотому миллиарду» богатых придет «здоровый миллиард» людей, живущих более 100 лет. Это преобразит всю логику развития цивилизации.

Для инновационного развития нужны инноваторы. На первом месте - «развитие человека», приобретение большинством общества навыков и вкуса к «инновационному поведению».

\104\

Тогда-то мы и сможем добиться главного - не просто потреблять импортные технические новинки, технологии и оборудование, но обеспечивать собственное производство технологий и продуктов, меняющих мир и делающих нас лидерами в нем.

Это важнейший момент в нашей политике развития образования. На что ориентировать высшую школу и стандарты высшего образования? Та же задача, - подготовки инновационно мыслящих людей, - стоит и перед нашей наукой.

Значительная часть изобретений, определивших научно-технический, экономический, военно-технический облик XX века, была сделана в России – приоритетно! Авиация, космос, радио и телевидение, медицина, биология и психология, даже защита окружающей среды.

Но здесь они не нашли промышленного и социального воплощения. В результате командные высоты в новых отраслях занимают ныне иностранные корпорации и державы.

Мы - догоняем. Уже даже в космосе.

То есть проблема не в способности мыслить и создавать, но в том общественном и экономическом устройстве, которое мешает

творить и работать, стабильно обрекая страну на циклы отставания от очередных мировых лидеров.

\105\

Новый период испытания интеллектуального суверенитета России – после 2016 года, когда будет исчерпан оставшийся от СССР потенциал и начнут проявляться отложенные последствия длительного господства добывающего сектора и не востребоваемости науки. Особенно важны решения, которые принимают сегодня в отношении образования и науки.

Главный риск нынешней реформы образования - утрата фундаментальности образования, смещение акцентов со стратегической подготовки специалистов, способных обеспечивать научно-технологический рост страны, на удовлетворение сиюминутных потребностей рынка.

Нам нужна реформа образования, которая позволит сохранить его фундаментальность, то есть связь с наукой. Да и с житейской точки зрения это выгодно. На рынке труда реально защищенным может быть лишь широко образованный человек, способный гибко перестраивать содержание деятельности в связи со сменой технологий.

Сегодня содержание образования в школе уже подстроено под начетническую технологию сдачи ЕГЭ, а не на самостоятельное мышление. А вчерашняя коррупция в вузах оказалась невинной забавой по сравнению с масштабами злоупотреблений вокруг ЕГЭ.

\106\

Одна из болезненных проблем нашего образования - инфляция его верхнего этажа. Мы имеем сегодня такое своеобразное явление, как стремление к всеобщему высшему образованию.

В вузах учится огромное количество немотивированных студентов. Единственный их мотив - получить «корочки», потому что без «корочек» ты уже и не человек.

Правительство Москвы который год пытается возродить в столице профессионально-техническое образование. Получается неважно. Родители не хотят отдавать детей в новые колледжи.

Хочу предложить для общественного обсуждения такую мысль. В последние годы общеобразовательная школа поставлена перед необходимостью внедрять в старших классах разнообразные профили. И школа испытывает большие проблемы с материальным и кадровым обеспечением профильного образования.

Почему бы эту задачу не возложить на колледжи и родственные им вузы? У них уже есть и соответствующая материальная база, и навыки преподавания, и хорошее понимание программ специализации.

Профилирование на базе уже существующих вузов и колледжей организовать проще и эффективнее, чем делать это фактически с нуля в каждой школе.

Пусть на выходе из колледжа выпускник будет именоваться бакалавром. К удовлетворению родителей, мы совместим и мощное общее образование, и конкретное профессиональное. И пусть такое образование длится 13 лет.

\107\

Принципиальные преобразования необходимы и в науке. Государство почти полностью ушло из науки, **а бизнес в неё так и не пришёл**. В результате оказалось, что фундаментальная наука - не та область, которую можно финансировать лишь частично. Финансируя науку наполовину от потребностей, толку получишь - один процент.

Недофинансирование со стороны государства и специфика бизнеса периода «первоначального накопления капитала» привели к усугублению проблем продвижения научных разработок на рынок, разрыв между фундаментальной и прикладной наукой стал ещё больше.

А без их тесной интеграции невозможны ни успешное инновационное развитие экономики, ни эффективность собственно фундаментальных научных исследований.

Наша бюрократия стремится контролировать всё и вся, но категорически не допускает никакого контроля над собой. Особенно хорошо это видно на примере науки.

Здесь забюрократизированность многократно превзошла всё, что существовало в советские времена. Сегодня затраты времени на подготовку заявок, отчетов, на многочисленные проверки соизмеримы с затратами времени на проведение собственно исследовательской работы, - до 50% рабочего времени.

\108\

Научные коллективы вынуждены нанимать сотрудников, в обязанности которых входило бы только обеспечение «бюрократической чистоты» научного и образовательного процессов. Научному сотруднику эти бессмысленные упражнения не доставляют ничего, кроме морального опустошения.

Российская наука нуждается в значительном повышении финансирования, причем это задача именно государства. Государство должно ставить перед научным сообществом конкретные инновационные задачи, финансируя в достаточном объеме наиболее перспективные исследования и разработки, привлекая тем самым в науку ещё и бизнес.

\109\

Партнерство государства с бизнесом должно заключаться и в нормативном стимулировании и в принуждении бизнеса к инновациям и внедренческой деятельности.

Для возрождения отечественной науки и сохранения традиций фундаментального образования нам необходимо возвращение на Родину интеллектуального, научного, постиндустриального потенциала нации («приток мозгов»). Нужно учиться у других стран мира собирать умных, амбициозных и талантливых людей со всего мира.

Ежегодные прямые потери от «утечки мозгов» обходятся нам не менее чем в 3 млрд долларов, а суммарные (с учетом упущенной выгоды) - в 50-60 млрд долларов. За границу при этом утекло, по разным оценкам, никак не менее 100 тыс. человек. Ещё примерно 30 тыс. работают в западных институтах по временным контрактам.

До сих пор ежегодно наша страна теряет тысячи высококвалифицированных специалистов, обученных на бюджетных программах, то есть за счет государства.

\110\

Основная масса уехавших - физики, биотехнологи. Это профессии, которые обеспечивают сегодня глобальное лидерство в НТР.

Еще существеннее объем «внутренней эмиграции» тех самых «мозгов». Примерами последней являются перекалфикация (переход в сферу бизнеса, политики или управления) либо потеря научных школ, сопровождающаяся маргинализацией ученых.

В результате в России на каждого эмигрирующего учёного приходится 10 оставляющих науку внутри страны. В целом за 1990-е годы науку по разным причинам покинули 577 тыс. из общего количества 992 тыс. ученых, то есть она численно сократилась на 58%. Средний возраст занятых специалистов составляет 48 лет, кандидата наук - 53 года, а доктора наук - 60 лет.

Россия сейчас занимает меньше 1% на мировом рынке наукоемкой продукции, а США - 40%. При этом наши ученые-эмигранты, которые живут в США, обеспечивают до 25% американского производства указанной продукции, что составляет 10% мирового рынка. Таким образом, российские ученые-эмигранты только в США производят в 10 раз больше наукоемкой продукции, чем их коллеги, оставшиеся в России.

\111\

У «утечки мозгов» много негативных черт, но есть и позитивные. Одна из них в том, что эти люди не только остались в науке, но и существенно продвинулись в своих исследованиях, в профессии, в интеграции в глобальную науку и экономику, в понимании закономерностей, тенденций и потребностей развития мира. Это неоценимый опыт, который необходим стране.

Запрос государства на возвращение российских специалистов-исследователей достигнет цели при условии стимулирования государством инновационной экономики, активного внедрения результатов НИОКР.

Еще Ломоносов отмечал, что не так важно привлекать в страну новых иностранцев, как важно уметь создавать условия, которые заставят её нынешних обитателей отказаться от поиска «лучшей судьбы». Если государство не начнет решать этот вопрос, то проблема утраты человеческого капитала окажется для страны фатальной. Страна Россия, в отличие от её граждан, вне себя самой обрести «лучшей судьбы» никак не сможет.

\112\

Эффективное государство

Главным проектом должно стать сегодня создание «эффективного государства» - то есть снятие с системы управления страной «бюрократических тормозов».

Армия российских чиновников (более миллиона человек) в три с лишним раза превосходит по численности Сухопутные войска страны. На самом деле чиновников ещё больше.

Если подсчитать всех-всех-всех, кто работает на сегодняшний день в органах государственной власти и местного самоуправления, то получится 1,67 млн человек. Это 1,17% всего населения России и 2,37% занятых в экономике.

И это означает, что за последние 10 лет количество «слуг народа» в стране выросло в полтора раза.

Расходы же на бюрократическую деятельность, в бюджете страны превышают 10%. Чиновники получают зарплаты больше, чем в других отраслях экономики. По жизни от их запретов и согласований зависит слишком многое.

Не случайно у нас в стране молодые люди на классический вопрос о том, где работать, дружно называют работу чиновника, или «Газпром».

\113\

Важно разобраться, какие причины стоят за галопирующим ростом численности чиновничьего аппарата. Среди большевистских лозунгов мало какой сыграл большую роль, чем ленинская фраза, что «социализм есть в первую очередь учёт и контроль».

Эти слова и сейчас звучат как музыка для бюрократии: для неё разрастание отчетности, умение создать препятствия, контролировать работу других - есть способ и самоцель существования.

Помню, как НПО «Химавтоматика», где я работал, имело в советские времена 624 различных вида отчетов (не говоря уже о партийных).

Это требовали не просто, чтобы контролировать происходящее. Завораживающий процесс разработки показателей, сбора отчетов, а также подготовки отчетов о предоставлении отчетов и о выполнении плана отчетности превратился в основу системы управления.

\114\

Ничего удивительного, что при столь огромной и многоэтажной системе учета и контроля всё кончилось признанием Юрия Андропова в 1983 году, что «**мы не знаем страны, в которой живём**». А потом этой страны - СССР – и вовсе не стало.

В постсоветский период многое должно было меняться и начало меняться в связи с двумя новыми принципами. 1. Россия становилась реально федеративным государством. 2. Цель изменений - рыночная экономика.

Речь шла о том, что не нужно продолжать планировать и управлять развитием исключительно из центра. Не нужно, чтобы государство занималось бизнесом, а экономика гнала «план по валу», не обращая внимания на интересы людей.

Бизнес должен стать самостоятельным и развивать новую экономику страны. Власть должна заниматься своими вопросами.

\115\

Субъекты Федерации должны развивать территорию и экономику, заботиться о качестве жизни населения, опираясь на законы страны и свои права в управленческой автономии, делать то, чем лучше и эффективнее управлять именно на региональном уровне.

Такие преобразования у нас в 1990-х годах и происходили. Шли они далеко не гладко и не всегда верно. Сопровождались дикими процессами приватизации и подчас варварством новорусского бизнеса.

То здесь, то там вылезали региональные «суверены». Коренной же причиной была крайняя слабость федеральной власти, а также её сращивание с олигархами. Однако сами принципы и цели были верными.

{V: И в чём же они «были верными» ???!}

Когда российская власть начала восстанавливать свою силу и эффективность, задача состояла в том, чтобы, очистив государственный механизм и экономику от «язв 1990-х», сохранить верные принципы развития. Но, к сожалению, произошел перехлест.

\116\

Сработал «принцип маятника», и маятник этот полетел назад, в другое экстремальное положение. Стратегия государственной машины развернулась в сторону формирования унитарного государства.

Сегодня объем участия государства в экономике и бизнесе составляет более 50%, а в системе отношений центра и регионов возобладали старые командные инстинкты. Количество того самого «учета и контроля» догоняет и грозит превзойти советские образцы.

Например, разрабатывают всё новые критерии эффективности деятельности региональной власти. Число критериев этой самой эффективности уже давно перевалило за сотню, но периодически всё

равно появляются идеи дополнить их ещё какими-нибудь показателем. По одному и тому же вопросу требуют отчета три, пять, а то и десять различных ведомств.

Отчет «о расходовании средств, выделяемых на обеспечение равной доступности транспорта для федеральных категорий льготников», запрашивают три федеральных ведомства (Ростехнадзор, Минтранс, Минфин). О расходовании средств на пособия, предоставляемые семьям с детьми, регулярно и каждое по-своему спрашивают пять ведомств. Различные отчеты по системе здравоохранения и реализации национального проекта «Здоровье» запрашивают более 10 федеральных структур. Да ещё и по двум десяткам различных форм.

\117\

Процесс отчётности становится важнее результата. Сотни показателей отчетности не позволяют обозначить действительно необходимые главные приоритеты.

Всё это опасно приближает нас к той квазисоциалистической системе, от которой все недавно вроде бы отказались. Рост же чиновничества и управленческая неэффективность являются следствием этих процессов.

С точки зрения бюджетного федерализма произошел отказ от требований Бюджетного кодекса о равномерном - 50 на 50 - распределении доходов между федеральным бюджетом и консолидированными бюджетами субъектов. Централизованы поступления по многим налогам и одновременно отменены другие, по которым поступления направлялись в бюджеты субъектов Федерации.

Централизация, лишаящая регионы возможностей развития, обеспечила федеральному центру «профицит» федерального бюджета и гипертрофированный Стабфонд.

\118\

Результат - замедление регионального развития и страны. Одна ликвидация дорожных фондов в разы затормозила строительство дорожной инфраструктуры.

Подобные принципы начисто лишают регионы стимула к развитию, порождают иждивенчество. Выгодно занимать позу бедного родственника, осваивать средства, но не работать над эффективностью.

Срабатывает принцип: у кого всё плохо - тот и молодец. Выгодно стало раздуть и увеличить проблему, а не по-настоящему её решить. И тот, кто сидел на шее государства, так и будет на ней сидеть.

Тенденция унитаризма привела к тому, что вслед за деньгами у регионов отбирали и полномочия. Выдающееся достижение на этом пути - печально известный 122-й закон, который известен в народе как

закон «о монетизации льгот», но сверх того был настоящим «монстром унитаризации».

У регионов отбиралось буквально всё - запретили полноценно управлять школами и поликлиниками, сажать или когда это надо - вырубать деревья, решать, как утилизировать мусор, регулировать вредные выбросы в атмосферу, поддерживать научные разработки.

\119\

Даже малые реки, озера и пруды объявляли федеральной собственностью и грозили кулаком, если местные власти захотели бы эти пруды просто почистить от грязи. Что уж тогда говорить о мании собирательства в федеральную собственность любых памятников архитектуры.

Из министерства, конечно же, виднее, что с ними происходит и что делать. Или, скорее, не делать. Потому что собственностью федеральной памятники объявили, но денег на их содержание и реставрацию не дали. И до сих пор идёт эта игра в то, чьё моё, а чьё твоё. А памятники хиреют.

Потом всё это пришлось исправлять. В тот же 122-й закон вносили более 30 принципиальных изменений! Даже частично начали возвращать полномочия регионам. Но этот процесс половинчат, коряв и медлителен.

И за это приходится сейчас расплачиваться. Регионы, лишённые полномочий и возможностей самостоятельно решать социально-экономические проблемы, лишаются и ответственности за проводимую политику.

\120\

К примеру, все обсуждают безработицу. И за неё сейчас с регионов стали спрашивать на каждом шагу и спускать семь шкур. А вспомним, что у нас происходило в сфере занятости.

Сначала в унитарном порыве ликвидировали органы трудоустройства в регионах, а вместо них создали органы, прямо подчинявшиеся федеральному Минтруда. Регионы лишили полномочий в сфере регулирования трудовой миграции. По Бюджетному кодексу регионы **потеряли** и возможности формировать свои фонды занятости населения.

Москву лишили возможностей для проведения активной и эффективной политики в сфере труда и занятости. А эта политика была эффективной: уровень безработицы в столице всегда был одним из самых низких в мире - около 0,5%.

Из федерального центра невозможно проводить политику на рынке труда и занятости по всей стране.

\121\

То же самое было и с разделом имущественных прав центра и регионов. Мы видим, что из этого получается. Ситуация с Черкизовским рынком - это ведь не только результат проблем с контрабандой, но и с неурегулированными земельными отношениями между центром и регионами.

Рынок разросся в Москве на так называемых федеральных землях. Не только вопрос его открытия можно было не согласовывать со столицей, но и многократные попытки Правительства Москвы его закрыть натыкались на одно и то же: не ваше, мол, дело.

Но как может быть не делом города то, что происходит внутри него, с москвичами и вокруг них. Аналогичная ситуация с миграцией - сейчас выясняется, что нужно депортировать с Черкизовского тысячи нелегалов! Но что это, как не неспособность Федеральной миграционной службы реально, а не на словах контролировать миграционные потоки?

Про то, что в регулировании миграции нужны кардинальные изменения, мы говорили последние четыре года. А воз и ныне там. И теперь у нас на этом возу - целый китайско-вьетнамский конгломерат.

\122\

А комплексное решение связано как с миграционными, так и с земельными вопросами, управлением рынком труда. Полномочия для таких мер должны быть у города. Только это избавит нас от «шанхаев», создаст рабочие места для **российских** торговцев.

Регионы лишены у нас права выдавать бюджетные кредиты. У нас дня не проходит, чтобы все - президент, премьер-министр, губернаторы, сами бизнесмены - не уговаривали банки дать денег в экономику под нормальный процент, чтобы перезапустить производство.

Но нет, опять Минфин против, да ещё норовит придумать что-нибудь новое из серии: «Как, у вас ещё есть деньги? Тогда мы идем к вам».

В результате мотивация к работе у всей Вертикали создается неверная.

\123\

Поскольку государство пошло по скользкой дорожке унитаризма, ему потребовался для этого и невероятный по численности аппарат. Неудачная административная реформа 2004 - яркий тому пример.

Реформа, задуманная ради того, чтобы повысить эффективность власти, затормозила темпы развития страны. Многие положения реформы 2004 года постепенно пересматривают. Но ситуация в конечном счете напоминает известный анекдот про компьютерные системы: «Да, старые ошибки были устранены, но зато новые добавлены».

Это происходит потому, что не устранен мотив той реформы - избыточная централизация полномочий.

Бумажные реформы имеют много общего с «бумажной архитектурой» - на неё приятно смотреть на выставках, но чаще всего лучше никогда даже не пытаться всё это построить,

\124\

«Нарисованные» реформы запускаются в жизнь чаще, чем хотелось бы. Так случилось и с реформой 2004 года.

Вместе с министерствами в их недрах создали формально независимые федеральные службы и они неизбежно превратились в антиподов друг друга, дублировали функции и вели междоусобные войны. Неэффективность - закономерный результат такого дуализма в управлении.

Сократили количество министерств. Упразднив 24 ведомства, тут же создали вместо них 42 новых, где расселась вся бюрократия, при этом ещё и увеличившаяся.

Разрослись территориальные подразделения федеральных ведомств в федеральных округах и регионах. Здесь оборот про «армию чиновников» и превращается из метафоры в реальность. К примеру, в одном Сибирском округе численность федеральных чиновников в два раза превышает численность всех Воздушно-десантных войск России.

А в Красноярском крае количество чиновников федеральных структур соответствует полностью укомплектованной дивизии ВДВ. Эту бы мощь, как говорится, да использовать в правильных целях и в правильном месте.

\125\

В сегодняшнем мире мы не чемпионы по количеству чиновников по отношению к численности населения. Да, у нас это соотношение угрожающе растет, но оно всё же лучше, чем, например, во Франции и Германии, Норвегии, Японии, Южной Кореи, США.

Другое дело, что существенные отличия наблюдаются именно в качественных показателях чиновничьего аппарата. Для России характерны дублирующие друг друга должности. Избыток функции по согласованию и контролю.

Тогда как для более развитых стран в характерно преобладание должностей на уровне местной власти и функций оказания государственных услуг населению.

Чтобы перевернуть с головы на ноги управленческую пирамиду, необходимо отказаться от унитаризма.

Еще в начале 2001 года в рамках Рабочей группы Государственного совета РФ вышел доклад, а затем и книга «Путь к эффективному государству. План преобразования государственной власти и управления в Российской Федерации». И сейчас он не потерял своей актуальности.

\126\

Все эти предложения вполне востребованы задачами сегодняшнего дня. Федеральный центр должен брать на себя решение только тех общегосударственных задач, которые он заведомо может решить лучше, чем региональные и местные органы власти, или когда очевидна необходимость «федерального вмешательства» в силу бездеятельности местных властей.

Продолжают работать и законодательство, подзаконные акты, регламенты, созданные «в порыве административной реформы». И эта система порождает чудовищные по количеству и объему согласовательные процедуры.

Как и для атмосферы, для безопасности экономики и общества также существуют определенные предельные концентрации «вредных бюрократических веществ». У нас зашкаливает чудовищное количество времени и сил, которые человек должен потратить на общение с чиновником.

Громадно количество бумаг, которые нужно «выбить», чтобы иметь право что-то сделать. Запределен уровень затрат, которые необходимо понести, чтобы открыть своё дело.

\127\

У нас есть приоритетный национальный проект «Доступное жильё». Его задача - повысить качество жизни граждан. Была поставлена цель выйти на строительство 1 кв. м жилья на человека в год, то есть не менее 140 млн кв. м в год по стране.

И все согласны, что строить нужно больше и быстрее. Но загвоздка не в деньгах. Главная проблема в чудовищных объемах всяческих согласований, которые ещё и выросли за последние годы в четыре раза!

В 1990-х годах - дикая приватизация. Чтоб построить дом, надо было потратить два года, но разрешения на строительство оформляли всего за полгода.

А сейчас мы способны построить за полгода жильё на высочайшем технологическом уровне, но на оформления из-за излишних согласований и препон для строительства уходит два года.

Здесь уже не просто административные барьеры, но настоящие штрафные круги, как в биатлоне, когда нужно после согласований и изменения документации вернуться на исходную позицию.

\128\

Можно ли построить новую экономику, если по условиям строительства Россия находится в рейтинге Всемирного банка на предпоследнем, 182-м месте в мире и, чтобы возвести даже самый простой сарай, нужно потратить 704 дня и пройти 54 процедуры?

Именно из-за этого мы утрачиваем конкурентоспособность.

Плодится армия посредников, специально обученных распутыванию согласований, составителей справок и отчетов. Эти «ответственные кадры» превосходят число тех, кто непосредственно занят производством, созданием продукта.

То есть мы формируем абсолютно неадекватную, не соответствующую задачам развития экономики структуру производительных сил, где на каждого работника реальной экономики приходится два-три чиновника, толкача, охранника. И всех этих «генералов» нужно «мужику» как-то прокормить.

На взгляд здравомыслящего человека - ужасный результат. Но эту ситуацию не назовешь «сбоем системы». Напротив, это – «система»: чиновники всегда стремятся создавать друг другу работу даже на пустом месте. Любят «рисовать» нормы и правила, за которыми стоит одна задача - обеспечить свою занятость и востребованность.

\129\

Стараются множить подчиненных, которым в свою очередь хочется – «создавать и множить». И так до бесконечности. Эту баранку бесконечности необходимо разогнуть и разорвать.

Задачей является оптимизация структуры чиновничьего аппарата, повышение качества и доступности государственных услуг населению.

Бюрократия нигде и никогда не сдавалась сама. И всегда необходимы были четкая государственная воля, политическая решимость и организация государственного механизма, чтобы не превращать страну в бюрократическое болото.

Если мы сегодня хотим выйти из этой трясины, необходимо осознать гибельность для страны тенденции к унитаризации.

\130\

Федеративный характер государства является одной из главных основ единства страны, гарантий национальной безопасности России, мотор её развития.

\131 - 132\

Победители будущего

В результате глобального кризиса 2008-го года, мир и Россия подходят к важнейшей развилке в истории. Политико-экономическое противостояние капитализма и социализма завершилось. Победителей нет.

Капитализм показал свои преимущества, превзошёл пытавшийся его опровергнуть социализм. Но потом сам продержался лишь немногим дольше.

Лишившись двадцать лет назад своего строгого судьи и конкурента, капитализм выпрыгнул из себя и рухнул под тяжестью грехов транскапитализма.

Торжество рынка в системе, которая потребляет больше, чем производит привело к тому, что капитализм бесповоротно загнал себя и мир в ускоряющуюся воронку воспроизводства кризисов. Отказавшись от опоры на реальное производство, заместив его

производством виртуальных денег, капитализм вверг себя в стабильно неравновесное состояние.

\133\

Финансовый капитализм не может предложить ничего, кроме новых попыток спасти себя надуванием на рынках новых масштабных и опасных пузырей. Капитализм привёл к созданию новой реальности - тупиковости потребительского общества, ресурсному и экологическому кризису.

Под обломками «битвы всеобщего поражения» капитализма и социализма сегодня мир видит только одну точку опоры - институт Государства.

Роль государств усиливается. От них зависит, какие черты приобретет новая модель развития, названная нами пока посткапитализмом.

Он ещё слаб, его принципы не до конца очевидны. Модель взаимоотношений государства, бизнеса и общества, основанная на общественном, а не рыночном воспроизводстве, ещё не устоялась.

Механизмы роста и развития, основанные не на прибыли, а на обеспечении долгосрочного роста стран в единой мировой экономике, ещё не сложились.

\134\

Риски эгоизма бизнеса и государства способны ещё долго раскачивать посткапитализм в сторону глобальной олигархии.

Эгоизм государств требует международной координации, создания «экономической» ООН.

Но главное - очевидно. Кризис показал, что общество потребления, которое играет в деньги, перерасходует ресурсы, - такая цивилизация бесперспективна.

Капитализму срочно необходима мощная прививка рациональности.

{V: Учение о КЭД и его величестве КПД как раз и есть такая прививка!}

Главное, от чего зависят место и роль России в этом бурлящем мире будущего, - это её готовность к изменениям. А развитие

национальной экономики и социальной системы должно быть жёстко ориентировано на конкурентоспособность и лидерство России.

Если этого не делать, страна может оказаться на всемирной обочине и вообще выпасть из будущего.

Да, последние два столетия были эпохой капитализма. Мировыми лидерами пока ещё остаются страны, которые смогли выстроить на капиталистических принципах развития национальные экономики.

\135\

Наша же страна, вроде бы только вернувшись на «путь капиталистического развития», теперь со всем миром будет ввергнута в переход к посткапитализму.

Законы успешности в процессе этого перехода очевидны. Победа капитализма в борьбе с социализмом показала, что определяющее значение имеет максимальная адаптивность системы к меняющимся условиям и грядущим изменениям.

С точки зрения адаптации Россия имеет и множество проблем, и большое количество накопленных уникальных навыков, а также не самых плохих экономических и социальных технологий конвергенции капитализма и социальности.

Нынешний глобальный посткапиталистический переход может нам дать серьезные преимущества: раньше и эффективнее других выйти из кризиса, превратив ситуацию догоняющего развития в лидерство по многим направлениям управленческих стандартов посткапитализма.